

лексику! Содержит
18+
цензура

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТОНИ АЙОММИ ЧЕЛОВЕК

МОЁ ПУТЕШЕСТВИЕ СКВОЗЬ РАЙ И АД
с **BLACK SABBATH**

ПРЕДИСЛОВИЕ Т.ДЖ. ЛАММЕРСА

Тони Айомми
Железный человек Тони
Айомми. Мое путешествие
сквозь ад и рай с Black Sabbath
Серия «Боги метал-сцены»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366295
Iron Man. Мое путешествие сквозь ад и рай с Black Sabbath:
ISBN 978-5-04-188756-8*

Аннотация

Гитарист и композитор Black Sabbath Тони Айомми считается одним из самых влиятельных музыкантов последних сорока лет и человеком, буквально создавшим хеви-метал.

Он вырос в семье рабочего класса и обладает уникальным стилем игры, который придумал в результате жуткой травмы руки, работая на производстве. Тони удалось создать мрачное и грубое звучание, идеально передавшее настроение своего времени.

В автобиографии он откровенно и с присущим ему юмором и сарказмом рассказывает о детстве, проведенном в послевоенной Англии 50-х годов, юности, создании Black Sabbath, взлетах и падениях, личных трагедиях, борьбе с наркотиками, провальных

браках, коварной переменчивой музыкальной индустрии и жизни рок-звезды.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	7
1	10
2	14
3	17
4	20
5	26
6	33
7	39
8	42
9	46
10	49
11	51
12	58
13	69
14	76
15	79
16	84
17	93
18	98
19	104
20	108
21	111
22	116

23	119
24	122
25	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Тони Айомми

Iron Man. Мое

путешествие сквозь ад

и рай с Black Sabbath

**IRON MAN: MY JOURNEY THROUGH HEAVEN AND
HELL WITH BLACK SABBATH**

Tony Iommi

Copyright © 2011 by Tony Iommi

© Ткачук С. А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Я посвящаю эту книгу Марии, своей жене и
родной душе.*

Тони, лучшей дочери в мире.

*Покойным маме и папе за то, что дали мне
жизнь.*

Вступление

Звук хеви-метала

На дворе стоял 1965 год, мне семнадцать, и это мой первый рабочий день. С тех пор как в пятнадцать лет я ушел из школы, испробовал все. Три или четыре дня поработал сантехником, но потом бросил. Был чернорабочим, изготавливал кольца с винтом для стяжки резиновых труб, но изрезал руки. Я работал в музыкальном магазинчике, потому что был гитаристом и играл в местных группах, но меня обвинили в воровстве. Я ничего не брал, ну да черт с ними: меня все равно целыми днями заставляли убираться на складе. Я работал сварщиком на сталелитейном заводе, когда случился большой прорыв: мою новую группу, The Birds & The Bees, пригласили в тур по Европе. На самом деле я даже и не играл с The Birds & The Bees; меня прослушали после того, как в моей предыдущей группе, The Rockin' Chevrolets, уволили ритм-гитариста, а потом она распалась. С группой The Rockin' Chevrolets случился мой первый прорыв. Мы носили одинаковые красные костюмы из ламе¹ и играли старый рок-н-ролл вроде Чака Берри и Бадди Холли. Мы были популярны в округе моего родного города Бирмингема и регулярно давали концерты. Благодаря этой группе у меня даже появи-

¹ Ламе – парчовая ткань для вечерних туалетов (здесь и далее – прим. пер.).

лась первая подружка, Маргарет Меридит, сестра их первого гитариста.

В The Rockin' Chevrolets было прикольно, но концерты в Европе с The Birds & The Bees стали поворотным моментом в моей профессиональной карьере. Так что в пятницу, отработав последний день сварщиком, я пошел домой обедать и сказал маме:

– Больше я туда не вернусь! С этой работой покончено!

– Айомми не сбегает. Вернись и доработай смену, как полагает! – возразила она.

Так я и сделал. Вернулся на работу. Рядом со мной стояла дама на конвейере и гнула на станке металлические детали, а потом отправляла их ко мне, где я их сваривал. Вот и вся работа. Но в тот день женщина не вышла, и меня посадили за ее станок. Это был большой гильотинный пресс с расшатанной педалью. Нужно было затолкнуть лист металла, нажать ногой на педаль, и – бах! – гигантский промышленный пресс с грохотом опускался вниз, сгибая сталь.

Никогда прежде я на такой штуке не работал, но все шло как надо, пока я на мгновение не потерял концентрацию, возможно, замечтавшись о том, как стою на сцене где-нибудь в Европе, и тут – БАМ! – пресс опустился прямо на правую руку. Я инстинктивно ее отдернул, но чертов пресс отхватил подушечки двух средних пальцев. Я посмотрел, а там костяшки торчат. И хлынула кровь.

Меня отвезли в больницу, усадили, опустили руку в па-

кет со льдом и забыли про мое существование. Я думал, что умру от потери крови, но какой-то добрый человек принес в больницу ошметки моих пальцев (в спичечном коробке), и врачи попытались приладить их обратно. Однако было уже поздно: они почернели. Вместо этого мне срезали немного кожи с рук и пересадили на кончики израненных пальцев. Еще немного повозились, желая убедиться, что пересаженная кожа прижилась, и на этом все: так родилась история рок-н-ролла.

Ну, по крайней мере, некоторые так говорят. Они считают, что из-за травмы пальцев в Black Sabbath я начал играть в более тяжелом, пониженном строе, ставшем в свою очередь отправной точкой для последующих музыкальных поколений. Признаю, когда я играл непосредственно костяшками обрубленных пальцев, боль была адской, и, чтобы приспособиться к своему новому состоянию, пришлось изобрести необычный стиль игры. В результате Black Sabbath стали звучать так, как ни одна группа до нас – как, впрочем, и после нас. Но создать хеви-метал благодаря тому, что случилось с моими пальцами? Ну, это уже перебор.

Все-таки история моя не только об этом.

1

Рождение бойскаута

Конечно же, я не родился металхэдом. Я вообще поначалу предпочитал мороженое – потому что родители жили над кафе-мороженым моего деда: «Мороженое от Айомми». Дедушка и его жена, которых я называл дедулей и бабулей, перебрались в Англию из Италии в поисках лучшей жизни, открыв кафе-мороженое. Возможно, это была крошечная фабрика, но мне она казалась огромной, все эти бочки из нержавеющей стали, в которых взбивалось мороженое, – это было нечто. Я мог запросто зайти туда и взять себе. С тех пор не пробовал ничего вкуснее.

Я родился в четверг 19 февраля 1948 года в больнице «Хитфилд Роуд» сразу на выезде из центра Бирмингема и был единственным ребенком Энтони Фрэнка и Сильвии Марии Айомми, в девичестве Валенти. Перед тем как я появился на свет, мама два месяца пролежала в больнице с заражением крови, и, возможно, в этом она увидела предзнаменование. Мама родилась в Палермо, Италия, в семье владельцев виноградников, где вместе с ней было трое детей. Ее мать, свою бабушку, я не знал, а отец, мой дед, появлялся в доме раз в неделю, но, когда молод, не особо хочется сидеть со старшими, поэтому с бабушкой мы тесно не общались.

Дедуля же, напротив, был добродушным и щедрым, не жалел денег на местных детишек, а мне давал полкроны², когда я к нему приезжал. И немного мороженого, колбасы и макарон. Можно представить, как мне у него нравилось. Еще он был набожным. Постоянно ходил в церковь и раз в неделю отправлял туда цветы и продукты.

Я думаю, бабуля родом из Бразилии. А отец родился здесь. У него было пять братьев и две сестры. Мои предки были католиками, но в церкви я их видел всего пару раз. Довольно странно, что папа не был помешан на религии, как его отец, но, возможно, он просто был как я. Я уже и сам забыл, как выглядит церковь. Даже не знаю, чем бы я там занимался. На самом деле я верю в Бога, но принципиально не хожу в церковь.

Родители работали в магазинчике на Кардиган-стрит, который дедуля подарил им на свадьбу. Магазин находился в итальянском квартале Бирмингема. Кроме фабрики мороженого, дедуля владел лавками и целым парком передвижных печей. Они выезжали в город, готовили и продавали печеный картофель, каштаны и все, что было по сезону. Еще отец был плотником, и весьма хорошим: всю нашу мебель он смастерил своими руками.

Когда мне было лет пять-шесть, мы переехали на Беннеттс-роуд в райончик Уошвуд Хит в Солтли, который, в свою очередь, входит в состав Бирмингема. У нас была кро-

² Крона – английская монета в пять шиллингов.

шечная комнатуха с лестницей в спальню. Одно из моих первых воспоминаний – как мама несет меня вниз по крутым ступенькам. Она поскользнулась, а я полетел и, конечно же, приземлился прямо на голову. Может, поэтому я такой...

Я постоянно играл в оловянных солдатиков. Еще у меня был набор танчиков. Будучи плотником, отец часто отсутствовал, строил ипподром в Челтенхэме. Каждый раз папа приносил мне что-нибудь, пополняя коллекцию, – к примеру, машинку.

В детстве я многого боялся, поэтому с головой накрывался одеялом и зажигал фонарик. Так делают многие дети. Моя дочь делала так же. Как и я, не могла уснуть без света, и мы не закрывали дверь к ней в спальню. Яблоко от яблони...

Одной из причин, почему я позже отрастил усы, стал случай, произошедший со мной однажды на Беннеттс-роуд. В конце улицы жил парень, который собирал больших пауков. Сейчас-то мне все равно, но в восемь-девять лет я их очень боялся. Парнишку звали Бобби Зануда, весьма говорящая фамилия. Однажды он погнался за мной с пауком в руке, и я в ужасе рванул по этой улице, а дорога посыпана гравием. Я оступился и хорошенько проехался по гравию лицом – в результате рассек губу. До сих пор остался шрам. Детвора даже начала меня называть «лицом со шрамом», и я жутко комплексовал по этому поводу.

Вскоре после истории с пауком у меня появился еще один шрам. Кто-то бросил искрящуюся петарду, и она попала пря-

мо мне в лицо. С годами шрам рассосался, но в молодости его было хорошо видно, поэтому при первой же возможности я отрастил усы.

Еще когда мы жили на Беннеттс-роуд, я вступил в бойскауты³. Это как скауты. Нужно было ездить в походы, но предки не разрешали. Слишком пеклись обо мне. К тому же путешествия стоили денег, которых у нас не было: родители зарабатывали жалкие гроши. Я носил форму бойскаута: короткие шорты, носки, кепку и галстук. Так что был похож на молодую версию Ангуса Янга⁴.

Со шрамами.

³ Член младшей дружины, что-то вроде американского бойскаута.

⁴ Ангус Янг – легендарный гитарист AC/DC.

Итальянские корни

Шрамы были не только физические, но и психологические. Я знаю, отец меня не планировал – так получилось. Я даже слышал, как однажды в очередном приступе ярости он кричал: «Я все равно тебя никогда не хотел!»

А крики были регулярно, потому что предки постоянно собачились. Папа терял самообладание, мама тоже, потому что он был темпераментным итальянцем, а мама сама по себе была буйной и слетала с катушек. Они хватали друг друга за волосы и сцеплялись не на шутку. Когда мы жили на Беннеттс-роуд, я видел, как мать ударила отца бутылкой, а он, защищаясь, схватил ее за руку. Это было ужасно, а на следующий день они болтали как ни в чем не бывало. Милые бранятся – только тешатся.

Еще помню, как они дрались с соседями. Мама была на заднем дворе, и между нами и соседями стояла деревянная изгородь. Очевидно, кто-то из них сказал что-то о нашей семейке, и мама пришла в ярость. Я выглянул в окно своей комнаты и увидел, как мама, свесившись через заборчик, лупит соседскую дамочку метлой по голове. Вмешался папа, а затем и муж этой тетки, началась драка через изгородь, которая, не выдержав натиска, в конце концов обвалилась. Я

видел из своего окна на первом этаже, как они визжат, орут и лупят друг друга, и ревел.

Если я косячил, мне прилично доставалось. Я боялся порки, поэтому опасался что-либо сделать. Но раньше во многих семьях дрались и получали по шее. Может, и сейчас так же. Пока я был молод, мы с отцом не очень ладили. Он считал меня неудачником и постоянно говорил: «Ты не нашел себе работу, как твой друг. Он будет бухгалтером, а из тебя что выйдет?»

Отец считал меня никчемным, а потом и мама подключалась: «Да, пусть найдет себе чертову работу или катится из дому!»

Во многом я жаждал успеха, чтобы доказать им, чего я стою.

Я рос, становился старше, и в какой-то момент меня достало, что мне компостируют мозги. Однажды, когда я лежал на диванчике и отец собрался меня ударить, я скрутил ему руку и остановил его. Он совсем обезумел и, чуть ли не плача, сказал: «Не смей так с отцом!»

Это было ужасно, но больше он никогда не поднимал на меня руку.

Когда на моих глазах скончался дед, мне было лет девять или десять. Он был дома, совсем больной, и потерял сознание. Его уложили в постель, а мне велели присматривать за ним и ждать, когда он придет в себя. Я сидел, вытирая ему лицо, и время от времени в комнату заглядывал отец. Но ко-

гда дед испустил дух, я был в комнате один. Из него вырвался этот сдавленный, клокочущий звук, и дедушка затих. Было страшно и очень горько на душе. Я увидел, как в комнату вошла, а потом вышла вся семья, и все они тоже выглядели немного испуганными.

С тех пор я видел смерть еще пары человек. Лет двадцать пять назад через дорогу от меня жила дама в летах, хорошо одевалась и красиво говорила. У нее было прозвище Крошка; даже собственная дочь ее так называла. Раз в неделю я ходил проводить женщину, и она говорила: «О, а давай хлопнем бокальчик бренди».

Однажды ее дочь вбежала в мой дом с криками: «Быстрее, идем, идем!»

Я пришел и обнаружил на полу мертвое тело Крошки. Я немного ее приподнял, взял за руки и заорал: «Вызывай скорую!»

Дочь выбежала, и в этот момент Крошка умерла, прямо у меня на руках. Опять этот сдавленный, клокочущий звук, и... все. Я тут же вспомнил про деда.

Я сидел с ней до приезда скорой. Потом всюду ощущал аромат ее духов и с тех пор не переношу этот запах. Для меня он превратился в запах смерти.

3

Магазинчик на Парк-лейн

Когда мне было около десяти, мы переехали на Парк-лейн в Астон. Это был жуткий суровый бандитский район Бирмингема. Предки купили там кондитерскую, но вскоре стали продавать в ней фрукты и овощи, дрова, консервы и всякую утварь. Среди ночи к ним могли постучать и спросить: «Сигареты есть?»

Когда у вас такой магазинчик, вы, по сути, никогда не закрываетесь.

В лавке продавалось все необходимое, и она превратилась в место встреч. Некоторые соседи вечно ошивались на пороге и сплетничали: «Видели такую-то на улице? Ой, на ней была новая...»

И так далее. Иногда они и не покупали ничего, просто торчали там часами и болтали. А мама стояла за прилавком и слушала.

Магазином заправляла мать, так как отец работал на молочной ферме в Мидлендсе, грузил фуры с молоком. Ему приходилось этим заниматься, чтобы увеличить семейный доход, но, я думаю, ему и коллектив нравился. Позже он купил второй магазинчик, на Виктория-роуд, тоже в Астоне, где начал торговать фруктами и овощами.

Родителям Астон нравился, а мне – нет. Мне претило жить в лавке, так как там было сыро и холодно. В доме было всего две комнаты, гостиная, кухня и уличный туалет на задворках. Друзей привести было нельзя, потому что жилые комнаты использовались и как складские помещения: завалены бобами, горохом и прочими консервами. Так и жили. Тебя постоянно окружали чертовы коробки и вся эта хрень.

Мы были первыми в районе, у кого появился телефон, большая роскошь для тех времен, но где он находился, сильно зависело от того, была недавно поставка или нет. Аппарат мог быть на положенном для него ящике, а если мы получали кучу всяких припасов, мог быть завален где-то в другом месте.

– Где телефон?

– А! Да наверху.

Комната была маленькая. Там был диван и телик, а за всем этим – бобы, консервы с фруктами и всякая всячина.

И телефон.

Где-то.

У меня была собственная комната, пока меня не заставили делить ее с Фрэнки. Он был квартирантом, но предки относились к нему как к сыну. Когда он пришел к нам в дом, я был сбит с толку, а они выдали: «Ну, это будет твой новый... братишка. Фрэнки будет тебе как брат».

Было весьма непривычно. Как будто кто-то приходит и чувствует себя главным, потому что предки стали уделять

ему больше внимания, чем мне, и меня это возмущало. Мне тогда было около одиннадцати, а он был на три или четыре года старше. Мне он нравился, потому что покупал мне всякую хрень, но вместе с этим и не нравился, потому что приходилось делить с ним комнату. Он жил у нас несколько лет. И именно я от него и избавился.

К тому времени мне было лет семнадцать, но про девочек я знал побольше, чем Фрэнки, потому что он постоянно сидел дома. Я взял его на одно из своих выступлений и познакомил с девчонкой. Я не ожидал, что все так выйдет, но он совершенно потерял голову. До этого у него ни с кем не было отношений.

Отец был недоволен и сказал: «Эта женщина тебе не подходит!»

Но Фрэнки начал оставаться у нее дома, и папа отстал от него. Поскольку всю эту кашу заварил я, познакомив их друг с другом, вина лежала исключительно на мне. Я радовался, что мы сможем от него избавиться, но в то же время сожалел о случившемся.

В конце концов он переехал к ней. Может, отец немного переборщил, и Фрэнки ушел, испортив с нами отношения. Он не стал поддерживать связь с нашей семьей. Ушел, и этим все закончилось.

Больше я его не видел.

Суровая школа жизни

Я пошел в школу на Бёрчфилд-роуд, «современную среднюю школу», как ее называли. Поступаешь туда примерно в возрасте десяти лет, учишься до пятнадцати, а затем выпускаешься. Школа находилась километрах в шести с половиной от нашего дома. Можно было доехать на автобусе, но в него было не влезть. И поездка стоила недешево, поэтому я сэкономил и ходил пешком.

В школе я познакомился со своим самым давним другом Альбертом. И с Оззи, который был на год нас младше. Альберт жил недалеко от Бёрчфилд-роуд. Я регулярно ходил к нему домой на обед, и, конечно же, он тоже время от времени ко мне навещался. В те годы это и были все мои развлечения, потому что тусовался я редко. Родители не позволяли. Они были весьма строгими и перебарщивали с опекой, поскольку были уверены, что стоит мне выйти, и я обязательно что-нибудь натворю: «Никуда ты не пойдешь, неприятности нам не нужны!»

Поэтому приходилось постоянно торчать в комнате. И меня по-прежнему не напрягает одиночество. Мне нравится быть в компании, но, если этого не происходит, я не особо переживаю.

У предков были причины для беспокойства. Наш магазинчик стоял напротив трех или четырех домов ленточной застройки – то есть подпирающих друг друга, – за которыми находился большой пустырь с кучей булыжников. Взорвалась ли там бомба Второй мировой войны, не знаю; это мог быть просто разваленный дом, но мы называли все это «разбомбленными зданиями». Там собиралась местная шпана. Если ты шел по улице, эти ребята запросто могли тебя отмудохать или даже порезать. А если ты регулярно там ходил, как я, то становился их основной мишенью. Тогда я стал заниматься, тягать железо – хотел уметь дать отпор. Я начал ходить на дзюдо и карате, пока не занялся боксом. Поначалу просто не хотел, чтобы ко мне приставали, а потом втянулся.

В школе мы с Альбертом были маленькой бандой из двух человек. У нас были кожаные куртки с надписью «Команчи»⁵ на спине. Это мы и были: Команчи. Школа пыталась запретить нам носить эти куртки, но другой одежды у меня не было. Вряд ли бы я ее носил, но предки просто не могли себе позволить потратиться на чертову школьную форму. Все, что у меня было, – джинсы да кожаная куртка.

Натренировавшись, мы с Альбертом, тоже крупным парнем, стали в школе местными драчунами. Никто к нам не лез, так как все знали, что мы можем отпиздить. Даже старшие ребята оставили нас в покое. Эта школа славилась насилием. Тебя запросто могли зарезать, и я даже некоторое

⁵ Команчи – индейский народ в США.

время носил с собой нож. Не то чтобы мне нравится насилие, но такие были времена. В школе существовало правило: не бьешь ты – бьют тебя. Поэтому я постоянно с кем-нибудь дрался.

В районе, где мы держали магазинчик, орудовала астонская банда, и они хотели, чтобы я стал одним из них. Мне было двенадцать или тринадцать. Я пару раз приходил к ним в разбомбленное здание, но в итоге не захотел связываться с криминалом. Некоторые из них приворовывали в нашем магазинчике, поэтому не было смысла иметь с ними дело. Однажды я даже поймал одного из них на краже и выбежал, чтобы как следует ему вломить. Он жил всего в двух шагах. Забежал в дом, а я стал колотить во входную дверь, пытаюсь до него добраться. Эти отморозки понимали только кулаки. Разговаривать было бесполезно.

Банда могла бы потом на меня наехать, но все было не так плохо, потому что мы ведь из одного района. Они лишь дрались с другой бандой из окрестностей. Поскольку я был местным, другие банды считали меня членом астонской банды; это не так, но в какой-то степени они были правы.

Несколько лет спустя мне пришлось ходить через эти окрестности. Я проходил мимо их главаря. С утра он вел себя адекватно, но к вечеру, когда сходил с корешами, менялся и превращался в бандита. Надо было умудриться незаметно проскочить, пока кто-нибудь из них не выйдет и не заметит

тебя; это было похоже на «пушечное ядро»⁶. Однажды вечером у меня ничего не вышло, и меня здорово избili. Приходилось либо защищаться, либо стать одним из них, а с ними мне было не по пути.

Я думал, что свяжу будущее с боксом; скажем, я мог бы стать вышибалой в каком-нибудь клубе. Еще представлял, как стою на сцене и смотрю на толпу. Никогда не задумывался, как оно будет, но я себя всегда видел где-нибудь на поединках, в каком-нибудь контактном спорте на глазах у публики. Конечно же, я дожил до того момента, когда воплотил мечты в жизнь. Только играя на гитаре!

К школе я особого интереса не питал, поэтому оценки были так себе. Каждый раз после того, как предков вызывали в школу, мать приходила и ругалась: «Позорище какое! Ведешь себя отвратительно. Ты что творишь вообще?»

Мне было плевать, что обо мне думают учителя и директор, но реакция предков меня беспокоила. Они терпеть не могли, когда я попадал в неприятности. Их беспокоило, что подумают соседи. Вечные сплетни. В магазинчике постоянно было: «О, слышали, что случилось на той-то улице? О-о-о, на днях к ним домой наведывалась полиция...»

Сплошные сплетни. Они понятия не имели, что творилось за пределами их улицы, но друг про друга знали абсолютно все. Поэтому о том, что я учился хреново, знали все.

⁶ Неофициальные гонки, проводимые в США в период с 1971 по 1979 год между Восточным и Западным побережьем.

В школе нас с Альбертом постоянно рассаживали, потому что мы вели себя отвратительно. Мы или швырялись чем-нибудь в кого-то, или болтали, или еще что-нибудь вытворяли, так что нас частенько выгоняли с уроков. Приходилось стоять за дверью до конца урока, а если выгоняли обоих, то ставили по разным углам. Если мимо проходил директор и замечал тебя, могли и выпороть. Или приходилось стоять еще час после школы, который казался вечностью.

Директор мог отлупить розгами по руке или нагнуть и отстегать по заднице тростью или ударить башмаком. Один из учителей даже применял здоровенный циркуль. Разумеется, детишки подкладывали себе в штаны книжки, так что тебя сначала проверяли. Это называлось «шесть горячих», то есть шесть ударов одной тростью. Учителя не были извергами и предоставляли выбор: «По заднице или по руке?»

Учителя, ответственные за наказания, добавляли тебя в черный список. Каждый раз, когда тебя снова подлавливали, они смотрели в журнал и говорили: «Ты был здесь всего два дня назад!»

Многих учителей я не помню. Мистер Лоу преподавал музыке. Занятия были бесполезными, потому что в школе обучали «музыке», включая проигрыватель. Мы только и делали, что слушали чертовы записи. Еще был мистер Уильямс, учитель математики. Забавно, что я его помню, потому что постоянно прогуливал его уроки. Я терпеть не мог математику и считал ужасно скучной, поэтому своим поведением

провоцировал учителя, чтобы он меня выгнал. Иногда мне достаточно было просто войти в класс, и сразу же раздавалось: «Вон!»

Дурдом. Но так нас раньше учили.

Из тени в свет софитов

И отец, и его братья играли на аккордеоне, поэтому были довольно музыкальной семейкой. Я же хотел приобрести барабанную установку. Очевидно, что места для нее у меня не было, и мне бы вряд ли позволили дубасить по ней дома, так что – либо аккордеон, либо ничего. Я начал играть на нем лет в десять. У меня сохранилась фотография, где я стою на заднем дворе и держу этот чертов аккордеон.

Дома был граммофон, или «радиола», как ее называли. Аппарат с проигрывателем и двумя динамиками. Еще у меня был маленький радиоприемник. Так как я много времени проводил в своей комнате, мне приходилось его слушать, а чем еще заняться? Пойти посидеть в гостиной было нельзя, потому что у нас ее не было. Я слушал «Топ-20» или «Радио Люксембург». Вот откуда у меня любовь к музыке – сидел в комнате и слушал великие инструментальные гитарные группы вроде The Shadows. Вот и захотелось взяться за гитару. Мне реально нравился звук, это были инструментальные композиции, и я понимал, что именно этим и хочу заниматься. В итоге мама купила гитару, за что я ей очень благодарен. Она подрабатывала и откладывала деньги. Когда ты левша, выбор весьма ограничен, по крайней мере, раньше было так:

«Гитара для левши? И как ты себе это представляешь?»

По каталогу я нашел один электрический Watkins Rapier. Стоил он порядка 20 фунтов, и мама рассчитывалась за эту гитару еженедельными выплатами. На моем леворуком «Уоткинсе» было два звукоусилителя и пара маленьких хромированных переключателей, которые нужно нажимать, в наборе шел небольшой усилитель Watkins Westminster. Я вынул один динамик из радиолы и подключил к усилителю, за что мог бы и получить. Но предкам было все равно, потому что они редко слушали музыку на этой штуковине.

И вот я играл на своей первой гитаре у себя в комнате. Слушал «Топ-20» в ожидании The Shadows и с помощью микрофона записывал их на старенький катушечник, чтобы потом иметь возможность разучить песни. Позже я достал их альбом и выучил песни, проигрывая их раз за разом. Мне всегда нравилось переслушивать The Shadows, потому что нравятся их мелодии и мотивы. И я всегда старался добиться от гитары мелодичного звучания, так как вся музыка построена на мелодиях. Все началось с тех юношеских времен, и когда я сочиняю песни, мелодии по-прежнему крайне важны.

Мне нравились «Битлз», но песни The Shadows и Клиффа Ричарда отдавали рок-н-роллом больше, чем «Битлз», поэтому были мне ближе. Конечно же, мне и Элвис нравился, но не так сильно, как Клифф и The Shadows. Это была моя музыка. Клифф для Англии значил больше, чем Элвис, —

возможно, с этим все и связано. Пару раз я видел Клиффа, но никогда не говорил ему, что я его огромный поклонник.

После школы я усаживался наверху и по несколько часов брэнчал на гитаре. Взялся за нее всерьез и занимался, сколько мог, но пока еще не было групп, которые ломались в дверь и уговаривали меня стать их музыкантом. Поэтому первую группу мы сколотили с Альбертом. Он должен был петь, а я отвечал за музыку. Петь он не умел, хотя думал, что у него получается. У него был роскошный дом с двумя гостиными. Мы устраивались в первой гостиной, я играл на гитаре на своем усилителе, он пел, а его отец постоянно орал: «А ну прекращайте этот чертов шум! Вам больше пойти некуда?»

Мы разучили всего одну песню и играли ее снова и снова: «Jezebel» Фрэнки Лэйна. Нам было двенадцать-тринадцать лет, и Альберт завывал: «Если и родился дьявол безрогий – это была ты, Иезавель, это была ты».

С этого все и началось.

Потом я познакомился с пианистом и его барабанщиком. Они были гораздо старше меня и попросили поиграть с ними в пабе. На самом деле играл я еще так себе, но им нравилось. Я играл всего пару раз, поэтому ужасно нервничал, выступая с этими парнями, но так я периодически и выступал.

«Ни хрена себе, выступление! В пабе!»

Учитывая мой возраст, удивительно, как меня туда вообще впустили, но то были мои самые первые выступления.

Рон и Джоан Вудворд жили в паре домов от нашего мага-

зинчика. Рон часто к нам захаживал. Они с моим отцом каждый вечер болтали и покуривали. Рон проводил у нас больше времени, чем у себя дома, и стал чуть ли не еще одним приемным сыном. Он был старше меня лет на десять или пятнадцать, но мы все же подружились. Я уломал его купить бас. Он стал учиться играть, и мы даже пару раз выступили. И все постоянно спрашивали:

– А не староват ли он для тебя?

– Он мой кореш и хочет играть в группе, – отвечал я.

Раньше было нормально, если твой друг играет у тебя в группе.

– А он играть-то хоть умеет?

– Нет, не умеет, но он мой друг!

С нами играли ритм-гитарист и барабанщик. Репетировали мы в молодежном клубе три раза в неделю. Круто было. Наконец-то я перестал сидеть у себя в комнате, занимаясь ерундой, и начал исполнять музыку с другими ребятами. Найджел, ритм-гитарист, был немного заносчивым. Однажды он пел, и вдруг от микрофона его долбануло током, потому что тот не был заземлен. Найджела конкретно потрянуло, и он начал кататься по полу. Он никому не нравился, поэтому все решили, что так ему и надо. В конце концов мы вырубили ток, так что бедняга выжил. Конечно же, он был цел и невредим. Похоже, ему пошло на пользу, но долго он у нас не продержался, как, впрочем, и сама группа.

Я не мог дождаться выпускного. Школу я не любил и со-

мневаюсь, что меня там любили. Все оканчивали школу в пятнадцать, если только не продолжали учиться и не поступали в колледж. Пятнадцать лет, и ты наконец на свободе. Так было и у меня. Я вздохнул с облегчением и принялся искать работу, к тому же еще больше стал заниматься на гитаре.

Я постоянно совершенствовался, поэтому играл гораздо лучше всяких Ронов Вудвордов. В итоге я пришел в группу The Rockin' Chevrolets, которая показалась мне весьма классной. Шел, наверное, год 1964-й, и мне было около шестнадцати. Я считал их настоящими профессионалами, и они блестяще справлялись с песнями The Shadows, и так как двое парней были постарше меня, они играли много рок-н-ролла. Никогда не был поклонником Чака Берри, Джина Винсента и Бадди Холли, но теперь пришлось окунуться и в эту музыку.

Наш вокалист, Нил Моррис, был старше всех в группе. На басу играл парнишка по имени Дэйв Уоддли, барабанщика звали Пэт Пегг, а ритм-гитаристом был Алан Меридит. Тогда-то я и познакомился с сестрой Алана, Маргарет. Вообще-то мы были помолвлены. Наши отношения продержались гораздо дольше, чем группа The Chevrolets.

Я не помню, как оказался в этой группе. Может, объявление на витрине музыкального магазина увидел. Такова жизнь: ошиваешься возле музыкального магазина или ходишь смотреть, как играют другие, – так и знакомишься.

Предки с подозрением относились к тому, что я выступаю в пабах с этой группой. Меня даже обязали в положенное время возвращаться домой, но вскоре перестали капать на мозги – к тому же я приносил немного денег. The Rockin' Chevrolets облегчили мою участь, наведавшись сначала к маме. Они пришли, она угостила их сэндвичами с беконом. Потом она точно так же поступала и с Black Sabbath: всегда спрашивала, не хотят ли парни перекусить. Всегда. Вот такая заботливая мама.

The Rockin' Chevrolets стали выступать все чаще. Мы выходили на сцену в красных костюмах из ламе. У меня было мало денег, чтобы тратить на костюм, но выглядеть приходилось соответствующе. По выходным мы выступали в пабах. Один из пабов располагался в элитном районе Бирмингема, и каждый раз, когда мы там играли, случалась драка. Под нашу музыку посетители били друг другу морду. Мы и на свадьбах играли, либо заканчивалось тем, что мы выступали в общественном клубе перед теми, кто вдвое старше нас, и они говорили: «О-о-о-о, вы чересчур громкие!»

Поскольку дела пошли в гору и мы выходили на более серьезный уровень, я хотел себе гитару получше. Burns были одной из немногих компаний, выпускавших леворукие гитары, и я приобрел Burns Trisonic. На ней был регулятор «звук трисоника» – я понятия не имел, что это значило. Играл я на ней, пока наконец не нашел леворукий Fender Stratocaster. А еще у меня был усилитель Selmer со встроенным эхо.

The Rockin' Chevrolets распались из-за того, что выгнали Алана Меридита. Следующей моей группой должны были стать The Birds & The Bees. Меня прослушали и взяли. Они были профессионалами, много работали и даже собирались отправиться в Европу. Я решил пойти ва-банк, бросить работу и стать профессиональным музыкантом. Трудился я тогда сварщиком на заводе. В пятницу утром пошел на работу – это был мой последний день, и в обеденный перерыв я заявил маме, что на вечернюю смену не пойду. Но она сказала, что я должен доработать, как подобает.

Так я и поступил.

И весь мой мир в одночасье рухнул.

Как насчет среднего пальца?

В общем, как я и сказал, это был мой последний рабочий день. Женщина сгибала металлические детали, а я их сваривал. В тот день она не пришла, поэтому меня поставили за ее станок – иначе бы я просто слонялся без дела. Я за ним ни разу не работал и не знал, как все устроено. Это был большой гильотинный пресс с ножной педалью. Закладываешь лист и нажимаешь ногой на педаль, а пресс с грохотом опускается и сгибает металл.

С утра все шло своим чередом, но когда я вернулся после обеда, то нажал на педаль и опустил пресс на правую руку. Рефлекторно отдернул ее, и мне оторвало подушечки пальцев. Распрями ладонь и проводи черту между кончиками указательного пальца и мизинца: выходящие за эту линию части средних пальцев мне и оторвало. Торчали костяшки пальцев. Я глазам не мог поверить. Кровь текла рекой. Я пребывал в таком шоке, что даже боли поначалу не чувствовал.

Меня отвезли в больницу и, вместо того чтобы остановить кровь, засунули руку в пакет со льдом. Он быстро заполнился, и я думал, пока дождусь помощи, сдохну от потери крови! Немного погодя кто-то принес в больницу отрубленные

кусочки в спичечном коробке. Они были черными, абсолютно испорченными, поэтому пришить обратно их уже было невозможно. В конце концов мне срезали кожу с руки и пришили к костяшкам травмированных пальцев. Ногти были вырваны. Они взяли один из обрубков и приладили обратно, так чтобы ноготь мог расти, пересадили кожу, на этом все и закончилось.

А потом я просто сидел дома в жутком унынии. Думал, что теперь все кончено! Не мог поверить в свою неудачу. Я только начал играть в классной группе, это был последний рабочий день, а теперь я искалечен на всю жизнь. Управляющий завода несколько раз приходил проведать меня, пожилой лысеющий дядька по имени Брайан, с жиденькими усиками. Он заметил, что я впал в глубочайшую депрессию, и однажды притащил мне мини-альбом и сказал:

– Ну-ка поставь.

– Нет, не хочется, – ответил ему я.

Прослушивание музыки меня бы вряд ли подбодрило.

– Ну, я думаю, стоит попробовать, потому что я тебе сейчас расскажу, в чем дело. Этот парень играет на гитаре всего двумя пальцами.

Это был великий цыганский джазовый гитарист Джанго Рейнхардт, родившийся в Бельгии, и, черт побери, он был великолепен! Я подумал, раз у него получилось, то и мне стоит попробовать. Спасибо Брайану, что принес мне эту пластинку. Я не знаю, что бы произошло, не будь его. Услышав эту

музыку, я был твердо настроен что-то предпринять, вместо того чтобы сидеть и ныть.

Пальцы были еще перевязаны, и я пытался играть только указательным и мизинцем. Это было настоящее разочарование, потому что, если ты уже когда-то неплохо играл, возвращаться к азам очень тяжело. Возможно, легче всего перевернуть гитару и переучиться на правую руку. Надо было так и сделать, но я подумал, что уже несколько лет играю, и понадобится еще несколько, чтобы переучиться. Срок показался мне чересчур долгим, так что я решил остаться левшой. Упорно занимался, пусть и с двумя перевязанными пальцами, даже несмотря на то, что врачи сказали: «О музыке тебе лучше забыть. Найди другую работу, делай что-то еще».

Но я был уверен, что это не конец и есть какой-то выход.

После некоторых размышлений я задумался, а нельзя ли сделать насадки на пальцы. Взял бутылку из-под «Фейри», расплавил ее, скатал в шарики и подождал, пока они остынут. Затем сделал отверстия раскаленным паяльником так, чтобы они примерно подходили под пальцы. Потом я еще подстругал их ножом, достал наждачку и пару часов шкурил, чтобы они были как наперстки. Насадил на пальцы и попробовал поиграть на гитаре, но ощущения оказались не те. Насадки были из пластика и соскальзывали со струн, прижимать их получалось лишь частично, и было ужасно больно. Поэтому пришлось придумывать замену. Я пытался использовать кусочки ткани, но они, конечно же, изорвались. Про-

бовал различные сорта кожи, но и это не помогло. Затем нашел старую кожаную куртку и отрезал с нее полоски. Это была старая кожа, поэтому немного жестче. Я подогнал кусочки, чтобы обернуть напальчники, и наклеил их, дал высохнуть и опробовал. Я подумал: черт возьми, теперь я могу прижимать струны. Еще немного отшлифовал кожу и отполировал, чтобы сильно не цеплялась. Нужно было сделать так, чтобы пальцы свободно скользили по струнам.

Даже с напальчниками было больно. Если посмотреть на мой средний палец, на кончике можно увидеть небольшую шишку. Сразу под ней – кость. Приходится осторожничать, потому что, если напальчник спадет и я сильно прижму струну, кожа может просто рассечься. Первые напальчники постоянно отваливались, и это была настоящая проблема; один из техников часто ползал по сцене и приговаривал: «Куда, черт возьми, делась эта штука?»

Выходя на сцену, я обвязываю пальцы киперной лентой, капаю немного суперклея и прижимаю. Затем после концерта приходится все это оттирать.

Пару раз я терял напальчники. На гастролях я их практически не снимаю. Постоянно держу при себе. У меня всегда есть запасные, и мой гитарный техник тоже держит у себя дополнительный набор.

Прохождение таможни – отдельная история. Я держу напальчники в коробочке, и, когда осматривают мою сумку, я постоянно слышу: «Ага, что это тут у нас? Наркотики?»

И тут шок – это пальцы. Несколько раз пришлось разъяснять таможенникам, что к чему. С удивленными глазами они с отвращением отодвигали от себя мои искусственные пальцы.

Сейчас напальчники на безымянный палец мне изготавливают в одной больнице. Вообще-то они делают протез, всю руку, но я срезаю две подушечки и использую. Я спросил:

– Почему бы вам не сделать только пальцы?

– Нет, проще изготовить руку целиком.

Можно представить, что думает уборщик, находя в мусорной корзине руку. Напальчники, которые я срезаю, выглядят как настоящие пальцы; на том, что для безымянного пальца, нет никакой кожи, я могу играть с помощью материала, из которого он сделан. Иногда они слишком мягкие, и тогда я ненадолго оставляю их на воздухе, чтобы они стали тверже, или добавляю каплю суперклея, чтобы чувствовать их. Иначе они цепляют струны. Этот процесс может длиться вечно.

Раньше самодельные напальчники быстро снашивались, но сегодня покрытие держится; стирается только кожа. Напальчника хватает на месяц, может, на половину тура, и, когда они изнашиваются, снова начинается возня с подгонкой. Я до сих пор использую кусок кожи, который попробовал более сорока лет назад. Не так много от него осталось, но, думаю, еще на несколько лет хватит.

Да, это примитивно, зато эффективно. Нужно либо завя-

зять, либо бороться и постоянно над этим работать. А работать приходится много. Одно дело – изготовление, и совсем другое – играть с напальчниками. Ведь на ощупь ничего не чувствуешь. Знаешь, что на пальцах насадки, и для того, чтобы все получалось, приходится много заниматься.

Отчасти у меня такое звучание, потому что я изначально научился играть двумя оставшимися пальцами, указательным и мизинцем. Ими я беру аккорды и исполняю вибрато. Обрубленные пальцы в основном использую для соло. Бенды⁷ делаю указательным пальцем, еще научился делать мизинцем. Другими пальцами могу делать только слабые бенды. До несчастного случая вообще не использовал мизинец, так что пришлось научиться. Для меня существуют пределы, потому что даже с применением напальчников я не смогу взять некоторые аккорды. Там, где я раньше использовал полные аккорды, теперь не могу и компенсирую более жирным звуком. К примеру, беру аккорд ми и на ноте ми выполняю вибрато, чтобы звучало объемнее, и так я маскирую недостаток звучания по сравнению с тем, что могло бы получиться, будь у меня все пальцы. Так я и разработал стиль игры, который восполняет мои физические недостатки. Да, стиль нетрадиционный, но мне подходит.

⁷ Суть приема в оттягивании струны пальцами левой руки во время исполнения. В результате чего повышается звучание ноты (не путайте с громкостью) и инструмент издает соответствующие звуки.

Карьера в подвешенном состоянии

С тех пор как произошел несчастный случай, пришлось все переосмыслить, от напальчников до игры на гитаре. Я не могу взять любую попавшуюся гитару и играть; на ней должны стоять специфические струны подходящей толщины. Все эти проблемы начались с первого же дня. Хуже того, в то время не было компаний, производящих струны меньшего диаметра. Не было и компаний, которые могли бы усовершенствовать гитару, поэтому приходилось все делать самому.

Тогда я еще играл на Fender Stratocaster. Я разбирал его бесчисленное количество раз, пытаюсь сделать удобнее, стачивая порошки, подгоняя толщину струн. В отличие от обычных людей, у которых все в порядке с кончиками пальцев, я почти не чувствую, как сильно надавливаю на струну, поэтому склонен пережимать, так как в противном случае струна будет дребезжать. И мне нужны очень тонкие струны, так как подтягивать толстые струны мне тяжело.

Самые тонкие струны, которые тогда выпускались, были одиннадцать или двенадцать. Они были очень толстые, в соответствии с модным тогда гитарным самоучителем Берта Уидона «Играй каждый день». Он был у каждого. Производили лишь один набор струн стандартного диаметра. Мне

первому пришла в голову идея утончить струны просто потому, что нужно было найти способ легко играть на гитаре. Жесткие струны просто раздирали кожу на накладках, у меня не было сил подтягивать эти струны, было больно. Продавцы в магазинах говорили:

- Тоньше ты не достанешь. Только такие.
- А есть хоть какие-то струны тоньше этих?
- Нет, разве что от банджо.
- Давайте тогда их.

Две самые тонкие струны от банджо я использовал на гитаре как си и верхнюю ми, что позволяло заменить и остальные струны, переместив их ниже, и сделать менее жесткими. Таким образом я избавился от толстой струны ми, заменив ее струной ля. И все срослось. В силу необходимости я изобрел более тонкие струны, комбинируя струны от гитары и банджо.

Это был путь проб и ошибок, потому что, когда опускаешь струну ля до ми, она начинает дребезжать на разных ладах. Настройка, как и игра на гитаре, стала целым искусством.

Позже, когда у нас уже вышел первый альбом и дела у группы пошли в гору, я ходил по компаниям, производящим струны, пытаюсь уговорить их выпустить струны уменьшенных диаметров. Мыслили они невероятно консервативно: «О, так сделать нельзя. Ничего не получится. Они никогда не будут сочетаться гармонически».

Я говорил: «Чушь! Будут! Мне ли не знать, если я такими

пользуюсь!»

На что они отвечали: «Кому они нужны? Их никто покупать не будет».

Все они так единогласно твердили об этом, что даже я начал сомневаться: может, и не захотят, может, это только я хочу такие, чтобы делать бенды. В конце концов в уэльской компании струн Picato мне ответили: «Хорошо, мы попробуем».

На дворе стоял 1970 год. Может, 1971-й.

Первый комплект тонких струн они изготовили для меня. Струны делали свое дело, отлично получились, и я играл на них много лет. Конечно же, все остальные компании последовали их примеру, и гитаристы по всему миру начали их использовать – так струны уменьшенного диаметра стали популярными. Но по-прежнему есть те, кто говорит: «Ты не добьешься жирного звука».

Мне даже случалось работать с продюсерами, которые говорили, что я должен поставить струны потолще, чтобы получить объемный звук.

На это у меня был один ответ: «Я никогда не пользовался толстыми струнами, но звук у меня объемный».

Билл Уорд и группа The Rest

После того как я повредил пальцы, понадобилось по меньшей мере полгода, чтобы справиться с болью и начать двигаться дальше. Я постоянно ощущал дискомфорт и пытался скрыть руку. Так же и во время игры на гитаре: терпеть не мог, если кто-то смотрел.

«Что это у тебя на пальцах?»

Позже я слышал, что некоторым нравилось, как это выглядит. В Нью-Йорке был один преподаватель гитары, который показывал своим ученикам, как играть мои риффы, — так у него была пара напальчников. С пальцами все было в порядке, но он был уверен, что это помогает при игре.

Мое возвращение к игре в группе состоялось, когда я познакомился с Биллом Уордом. Он играл в The Rest, и все они пришли в наш магазинчик. Пытались уговорить меня стать их гитаристом, пока я отпускал посетителей. Я ответил: «Да, попробуем».

Они звучали по-настоящему профессионально, так как у них было два усилителя Vox AC 30. У меня тоже был AC 30. И я подумал, что три AC 30 и три «Фендера» — это реально круто!

Это было где-то году в 1966-м или в 1967-м. Билл Уорд

играл на барабанах, Вик Редфорд – на гитаре, а Майкл Понтни был басистом. Вокалист Крис Смит пришел позже, так как вначале пел Билл и у него неплохо получалось.

Денег у нас вообще не было. Билл рыскал по округе, выискивая детали барабанной установки, сломанные барабанщиками других групп. Что-то новое он себе купить не мог, поэтому играл обломками от палочек. У Вика Редфорда тоже был отрезан палец. Кажется, его средний палец застрял в проеме двери и часть оторвало. То, что у него тоже не было пальца, стало для меня большим подспорьем, до этого я еще не встречал никого с такой же проблемой. Я думал: черт побери, оба попали в одну группу! Он даже попытался использовать мои напальчники, но к ним не так просто приспособиться. Это совершенно другой мир, абсолютно другая манера игры, ты должен поменять все правила. И я это сделал.

Не соблюдал никаких правил, а создал собственные.

Мы играли кучу каверов: немного The Shadows, немного The Beatles, может, Stones еще – все, что более менее подходило под музыку из «Топ-20». The Rest набирали популярность, мы начали делать себе имя, пока только в округе. Выступали в клубе Midland Red, находившемся на автовокзале Мидлендса. Это был общественный клуб, куда ходили местные работяги. Там каждую неделю выступала какая-нибудь группа. Мы играли раз в две недели, а Джон Бонэм обычно играл в другой команде. Выступление его длилось примерно пять минут, потому что он играл слишком громко и его тут

же выгоняли. Потом он появлялся со следующей группой, и все продолжалось до тех пор, пока его снова не выгоняли. У него был чехол для барабана с названиями всех групп, в которых он играл, – названия были зачеркнуты. Он писал все мельче и мельче, чтобы все уместить. Все это еще до появления системы громкой связи, когда звук барабанов стали усиливать. Но он дубасил по пластику настолько сильно – было невероятно. Он был чертовски громким!

The Rockin' Chevrolets уже давно распались, а я все еще встречался с сестрой Алана Меридита, Маргарет.

Я был очень ревнивым и чересчур ее опекал. Однажды вечером выступал с The Rest и увидел, как к ней кто-то пристает. Я положил гитару, прыгнул со сцены, пробрался туда, вырубил этого чувака, вернулся на сцену и продолжил играть.

Что ж, был молод и горяч...

Как-то раз мы шли по Астону. Я зашел в туалет, а Маргарет ждала меня снаружи. Когда я вышел, ее уже донимала кучка парней. У меня глаза кровью налились. Я пошел прямо на того, который стоял к ней ближе всего, схватил его и врезал! К счастью, остальные отступились. Я по молодости так часто делал. Постоянно где-нибудь дрался. Теперь остепенился. Наконец-то.

Отношения с Маргарет пережили даже The Rest. Все накрылось, когда басист женился и решил уйти. The Rest были скромной группой, которая не выходила за уровень каба-

ков. Мы и понятия не имели, что из нее потом появились Mythology⁸...

Позже, когда Sabbath только появились, я стал встречаться с младшей сестрой Маргарет, Линдой. Было достаточно странно появляться у того же самого дома, чтобы заехать за другой девушкой. Сажу в машине, жду Линду, а какой-то парень тормозит свою тачку, чтобы забрать Маргарет.

С Линдой мы порвали, когда я вернулся из первого тура по Европе. Пришел и сказал ей, что хочу расстаться, так как Европа открыла мне глаза на совершенно другую жизнь, о которой, живя в Бирмингеме, я даже не догадывался.

⁸ Блюзовая рок-группа из Карлайла, основанная в начале 1967 года из The Square Cex. В группе участвовали будущие основатели Black Sabbath Тони Айомми и Билл Уорд.

9

Разнорабочий

Предполагалось, что после школы я вольюсь в ряды рабочего класса. На первую работу меня устроил приятель отца, у которого была своя водопроводная компания. Находилась она на стройплощадке, и долго я там не задержался. Не люблю высоту.

Дальше я попробовал себя в роли чернорабочего: мы делали кольца с винтами, оборачиваешь ими резиновые трубы и сжимаешь, стягивая их. Работа сдельная, так что ты имел столько, сколько сделал, но при этом изрезывал себе руки. Я подумал, что мне еще играть и руки надо беречь! Поэтому оттуда я тоже быстро ушел.

Затем устроился в большой музыкальный магазин «У Ярдли» в центре города. Все музыканты знакомились там друг с другом, а продавцы показывали, как все работает. Я прикинул, что именно этим и буду заниматься: «Вот так подключается эта гитара, а вот так звучит».

Но вместо этого меня заставили выставять товары на витрины, вычищать барабанные установки, заново их собирать, протирать гитары, ставить их обратно, и я сказал себе: погоди-ка, а когда я уже смогу присесть и поиграть? А потом было ограбление, и меня заподозрили в причастности, пото-

му что я был новеньким. Меня допросили и смотрели косо до тех пор, пока не разобрались, кто это сделал. Мне не понравилось, что со мной обращались как с прислугой, к тому же не понравилось произошедшее. В общем, я снова свалил и нашел другую работу.

Предки были не в восторге от того, что я постоянно бросал работу. Донимали меня: «Когда ты уже найдешь нормальную работу, вместо того чтобы бренчать на гитаре?»

После «Ярдли» я получил работу сварщика, стоившую мне пальцев. А когда рука зажила, устроился в «Печатные машинки B&D». Там меня научили водить и дали фургон. Я должен был носить костюм, ездить по офисам и ремонтировать пишущие машинки прямо на месте. После починки всюду валялись винтики: ой, а здесь был винтик. Куда он закатился? А эта штука где? О нет, где же малюсенькие винтики отсюда и отсюда? О боже!

Но мне нравилось, потому что таким образом я знакомился с кучей девушек. Пока ремонтировал им машинки, они не могли работать, и мы просто сидели и болтали, так что приходилось участвовать в беседах. На самом деле мне это выходило боком, так как после девчонки звонили в наш офис и заявляли, что машинка снова сломалась. Начальник делал мне выговор:

– Ты там всего пару дней назад был. Я думал, ты починил эту машинку!

– Я и починил!

– Да? А они требуют, чтобы ты приехал снова, потому что в ней что-то не работает, поэтому езжай.

Выяснялось, что с пишущей машинкой все в порядке, но так как я болтал с девушками, им казалось, что я не против пригласить их на свидание. Было прикольно. Все закончилось, когда у The Rest появилось слишком много выступлений и я частенько стал опаздывать на работу, поэтому с машинками пришлось завязать.

С тех пор я больше нигде не работал.

Ангелы-хранители хеви-метала

Я сдал на права и купил спортивную тачку MGB. Мне было восемнадцать или девятнадцать, я работал и каждую неделю вносил за нее приличную сумму. Мать была против машины, потому что я не знал меры. И действительно, я попал в серьезную аварию.

Я ехал по автострате и обогнал одну машину. Обернулся и увидел, что за рулем сидит девушка. И вдруг... ба-бах! Я на что-то наехал, и две покрышки слетели, а меня выбросило с дороги. Я летел в какие-то деревья и видел, как отваливаются крылья тачки, — сам я еще сидел внутри. Я помню, все происходило как в замедленном кино. Звучит безумно, но я увидел, как с небес спускаются три фигуры: одна слева и две справа, словно ангелы. И я решил, что умер и попал в рай.

Я врезался в дерево, машину развернуло, и я потерял сознание. Придя в себя, я почувствовал запах бензина и подумал: бля, надеюсь, не взорвется. Тачка была с откидным верхом без трубчатого каркаса⁹, перевернута, но мне удалось выбраться, так как я приземлился на мягкую почву. Там был большой проем, и я вылез на дорогу. У меня было сотрясение мозга, и я не врубался в то, что происходит. Какой-то

⁹ Предохраняет водителя и пассажиров, если автомобиль переворачивается.

парень подхватил меня, и я тут же начал орать: «Только не говори предкам, не говори им!»

А следующее, что я помню, – орущая над моей больничной койкой мама: «Ты чокнутый ублюдок, как ты только мог такое натворить?! Тебе машина противопоказана!»

Черт возьми.

Все, кто видел тачку, говорили: «Да ты покойником уже должен быть». Обломки приволокли ко мне домой на трейлере. Мама увидела их и расплакалась. Даже эвакуаторщики удивились:

– Как ты, мать твою, оттуда выбрался?

– Понятия не имею, – ответил я.

Я должен был умереть, но отделался лишь сотрясением. У меня были ссадины, но ничего серьезного.

Я отчетливо видел эти фигуры. И произошедшее заставило меня задуматься: Господи Иисусе, да меня спасли! И спасли с какой-то целью, чтобы я что-то сделал. Кто-то однажды даже предположил: чтобы изобрести хеви-метал. Какое великое предназначение! Ангелы небось друг другу сказали: «Ой, похоже, мы с тобой напортачили!»

Мне понадобилось время, чтобы снова сесть в машину. Но я должен был водить грузовой фургон группы, поэтому времени на лирику не было. И позже у меня еще были спортивные машины.

Но больше я не смотрю на женщин, когда их обгоняю.

Суровый север

После того как The Rest развалились, мне поступило предложение от группы Mythology. Они были из Карлайла, городка на границе с Шотландией, в котором проживало, может, 70 000 человек, – примерно в трех с половиной часах езды от Бирмингема. Я отправился туда вместе с Крисом Смитом, поскольку им требовался и вокалист. В их группе оставались только Нил Маршалл, басист и лидер группы, и барабанщик, который вскоре ушел, и я вспомнил про барабанщика Билла Уорда. Большая часть состава The Rest переехала в Карлайл и влилась в Mythology. Для нас это стало логичным решением. Наши возможности в Бирмингеме были ограничены, а Mythology считались местными королями, так что там было где выступить.

Раньше я никогда не был за пределами чертова Бирмингема, где по-прежнему жил с предками. Съехать из дома и поселиться в Карлайле с остальной группой было для меня серьезным шагом. Я никого не знал, так что присутствие Криса, а потом еще и Билла здорово мне помогло. Жили мы в Комптон Хаус, большом здании, поделенном на квартиры. У нас была гостиная и маленькая кухня на верхнем этаже, а общая комната располагалась внизу.

В доме также жили хозяйка с дочерью, но там были не только они. Однажды мы заказывали жареную рыбу с картошкой фри и подсчитывали, сколько нужно порций: «Так, ты будешь картошку, ты будешь картошку, ты будешь картошку...»

Насчитали на порцию больше, так как приняли в расчет еще маленького мальчика. Я говорю Биллу:

– Погоди-ка, ты это видел?

– Ага, мальчишка.

Черт возьми, это было странно. Нас реально озадачило, откуда взялся этот парнишка. Я сказал хозяйке:

– Звучит дико, но нам кажется, что наверху мы видели мальчишку.

– Ему на вид было лет семь-восемь? – спросила она.

– Точно.

– А-а-а, он умер в этом доме много лет назад.

Оказывается, она была в курсе. Он умер не своей смертью. Но был такой не один. Еще мы видели маленькую девочку. Она вроде в ванной утонула...

Нас это не пугало. Если бы привидения на нас кидались, мы бы, может, и обделались от страха, а то были всего лишь дети.

Мы себя очень аккуратно вели, лишний раз не шумели. Несколько раз напивались дешевого вина, и нам за это попадало, а еще нельзя было приводить девушек. Ни за что: женщин в дом? Исключено! Мне было двадцать, а Нилу –

около двадцати четырех. Нил очень гордился тем, что поиграл с дуэтом Питера и Гордона. Нил побывал в коллективе намного более зрелом, чем The Rest. У Mythology был свой стиль. Мы играли более гитарный материал, чем мне доводилось раньше, блюз с большим количеством соло. У меня реально появилась возможность начать играть по-настоящему, научиться играть соло. И по мере роста нашей популярности росла и моя популярность: многим нравилась моя музыка.

У Mythology был отличный агент, Моника Линтон, которая не оставляла нас без работы. Конечно, она часто намекала на то, что мы могли бы сыграть более популярные песни.

Мы тихо репетировали в гостиной, только чтобы скомпоновать песню. Но в основном играли каверы. Мы их удлиняли либо изменяли некоторые партии, чтобы можно было вставить соло. Мы опробовали их на репетициях, а обкатывали уже во время выступления следующим вечером.

У нас было несколько блюзовых и роковых альбомов. Одной из пластинок, которые мы часто крутили, была *Day of Future Passed* группы Moody Blues, хотя мы эти песни не играли. Еще был альбом *Supernatural Fairy Tales* группы Art. Их вокалист, Майк Харрисон, позже прославился в группе Spooky Tooth. Мы определенно играли из этого альбома парочку песен, потому что они были хитами и всем хотелось это услышать.

Играли мы в местечках вроде Town Hall в Карлайле, клубе

с ужасной акустикой; еще там есть крупнейший клуб «Космо», типа актового зала; и в Global Hotel на Мейн-стрит, где мы потом выступали с Black Sabbath. Давали два-три концерта в неделю, и не только в Карлайле, но заезжали и в Глазго, Эдинбург, Ньюкасл и во все закоулки и клубы по дороге к ним. На нас приходила суровая публика. Они бухали, как шотландцы, и так же, как они, орали: «Знаете что-нибудь из Rolling Stones? Сыграйте что-нибудь из Rolling Stones!»

Они постоянно дрались, уходили в загул. Бутылки разлетались, но, если прекратить выступление, они разнесут все оборудование. Так что приходилось играть – все равно что. Было как в фильме «Братья Блюз»: приходилось уворачиваться от летевших в нас бутылок. Пришедшие выясняли отношения и вели себя как идиоты. Через неделю приходили снова как ни в чем ни бывало, разговаривали друг с другом, а потом все по новой. Было странно наблюдать, как все дерутся, женщины орут и *тоже* дерутся!

Находясь вдали от дома, мы могли делать что угодно и выглядеть как угодно. Я стал отращивать волосы, и началось безумие. Нас реально побаивались, потому что никто тогда еще не носил таких длинных волос. Еще у меня был замшевый пиджак, из которого я *не вылезал*. Я гордился им и носил везде. Билл Уорд меня перещеголял: он носил одну и ту же футболку, я даже не знаю, как долго, и в *ней* же спал. Он был грязным говнюком и с тех пор не сильно изменился. Мы его много лет называли Вонючкой. Даже купили противоба-

зы и надевали их в его присутствии. А Билл говорил: «Ну ладно вам, потерпите немножко».

Шутка вышла боком, когда в Хартлпуле нас остановила полиция. Они наткнулись на эти противогазы в багажнике нашего фургона и решили, что мы собираемся устроить ограбление. Арестовали нас и забрали в участок. Представьте, если бы это случилось на Парк-лейн: да об этом бы целую вечность судачили.

В Карлайле я впервые покурил гашиш. Превратился в чудака, граничившего с параноиком. Я не был уверен, что мне это в кайф. И последствия мне уж точно не понравились. Торговец приходил к нам раза три, потому что Нил покупал у него гашиш. Однажды этот чувак, да еще и не из нашего городка, пришел к нам с чемоданами и спросил: «Можно я их тут оставляю, а то мне еще много куда нужно успеть?»

Мы согласились и больше его не видели.

Около семи часов утра полиция вынесла дверь и вломилась к нам в комнату. И нашла эти чемоданы, полные дури.

Мы были в шоке: «Это не наше!»

Нас схватили, и были серьезные неприятности. Я оцепенел. О нет, что подумают предки!

У меня тогда впервые оказался свой гашиш, и, наверное, в третий раз я его покурил. Мы пытались объяснить, что чемоданы не наши. Полицейские об этом знали, потому что следили за парнем. Так они и оказались в нашем доме. Парнишку арестовали, но все еще пытались повесить наркоту и

на нас: «Если не расколется, что происходит... все это мы припишем вам, ясно?»»

Они круто на нас наехали и перепугали до смерти. Нас разделили и стали допрашивать. Естественно, каждый гадал, что наплели другие. Очень неловкая ситуация.

Все оказалось на страницах газет, так как это было большим событием: «Группу загребли с наркотой». Дело довели до национальных новостей, и все дошло до Бирмингема, так что предки все узнали. Прикиньте, как отреагировали соседи: «У Айомми парень-то нарик!»»

Я позвонил маме, и она готова была меня убить – плакала, визжала и орала: «Ты опозорил наш дом!»»

Одним из тех, кто нас повязал, был сержант Карлтон, но довольно быстро понял, что мы не те отпетые преступники, которых они искали. Он и помог все уладить.

Скандал с наркотиками стал основной причиной развала Mythology. С концертами стало тяжело, и мы с Биллом просто вернулись в Бирмингем. Снова пришлось жить дома. Было очень неловко, но идти было некуда.

Мы с Биллом держались вместе. Хотели сколотить новую банду, поэтому стали подыскивать вокалиста. В музыкальном магазине увидели объявление: «Оззи Зиг меня зовут, номер телефона – тут!»»

Я сказал Биллу: «Знаю я одного Оззи, но вряд ли это он».

Мы проехали по указанному адресу, постучали в дверь, открыла его мама, и мы поинтересовались:

– Оззи дома?

– Да, минутку.

Повернулась и прокричала: «Джон, это к тебе».

И когда он подошел к двери, я сказал Биллу: «О нет, забудь. Этого чувака я знаю».

12

Earth

– Что ты имеешь в виду? – спросил Билл.

– Я его со школы знаю. И насколько мне известно, никакой он не певец.

Полагаю, Оззи тоже был в шоке. Я его со школы не видел, поэтому запомнился ему лишь тем, что слонялся и всех мутузил. Оззи на год меня младше, поэтому учился на класс ниже. Он постоянно тусовался со своим дружкой Джимми Филлипсом. Мы с Альбертом с ними в школе никогда не зависали.

Мы с Биллом немного поговорили с Оззи и сказали: «Ну тогда пока».

Мы ушли и фактически забыли об этой встрече. Спустя несколько дней Билл пришел к нам домой, и мама сделала ему сэндвич. И тут неожиданно явились Оззи с Гизером¹⁰ и сообщили, что подыскивают барабанщика. Я ответил: «Билл – барабанщик, но мы будем держаться вместе. Хотя, если Билл сам того хочет, я не против».

А Билл говорит: «Не, не. Я от Тони никуда уходить не со-

¹⁰ Полное имя – Теренс Майкл Джозеф Батлер. Geezer («чувак»). Батлер любил называть этим словом всех ребят в своем окружении, но кличка прицепилась именно к нему.

бираюсь».

На что я сказал: «Почему бы нам не попробовать всем вместе? Давайте сколотим группу и посмотрим, что из этого выйдет».

Мы собрались на первую репетицию. Там был еще дружок Оззи, Джимми Филлипс, игравший на слайд-гитаре, и какой-то чувак выдувал на саксофоне. Гизер был гитаристом, но решил переключиться на бас. Проблема заключалась в том, что баса у него не было, да и денег тоже. Он опустил строй на своем Fender Stratocaster, попытавшись таким образом выйти из ситуации. Я подумал: черт меня побери! К счастью, он потом пошел и одолжил бас Hofner у бывшей группы. На нем было всего три струны, но тогда Гизер все равно играл только на одной.

Мы разучили кое-какой блюзовый материал, сыграли несколько песен и назвали себя The Polka Tulk Blues Band¹¹. Мы с Джимми Филлипсом принялись подыскивать возможности для выступлений. Засели в гостиной с телефоном на ящиках, и я сказал: «Давай, Джимми, звони этим, «Развлечения Спотлайта», звучит интригующе».

Он набрал номер и произнес: «Извините, могу я поговорить с мистером Прожектором?»

Тут мы заржали, и на этом все закончилось. Тогда я позвонил агенту Mythology, Монике Линтон, в Карлайл и ска-

¹¹ Группа называлась так в честь дешевой разновидности тальковой пудры, которую Осборн заметил у матери в ванной комнате.

зал:

– У нас тут группа, дай нам шанс.

– Ладно, но вам придется играть что-то из «Топ-20», тогда сможете сыграть немного блюза, – ответила она.

– О'кей, уговорила.

И мы поехали в Карлайл. В городке Эгремонт мы сыграли в Тое Ваг. Ко мне подошел крупный шотландский парнишка и говорит:

– Вокалист у вас дерьмовый.

– А, да. Спасибо, мы в курсе.

Мы, наверное, выглядели как чертовы гопники: я в замшевой куртке, Билл в смердящих шмотках, плюс еще был Оззи, побривший голову под ноль. Гизер носил длинное индийское хипстерское платье. «Мир тебе, чувак!» и тому подобное. Мне казалось, что парень в платье – это, как минимум, странно. И во что я только ввязался?

Гизер встречался с девчонкой, жившей неподалеку от нашего магазинчика, так что я часто видел, как он проходил мимо. Еще чаще я его видел, когда играл в группе в ночном клубе, где также выступала и группа Гизера, Rare Breed. Тогда можно было наблюдать, как он лезет на стену под кислотой. Я считал его чокнутым. Когда мы отыграли в Globe Hotel в Карлайле, вбежал какой-то идиот, который уже успел вырубить парочку полицейских и убить одну из их собак. Мы как раз выносили оборудование, а Гизер с парочкой гитар спускался по лестнице в своей хипстерской одежде, и тут на

него налетает этот парень: «Стоя-я-я-я-я-ять!»

Гизер воскликнул: «А-а-а?»

Он опустил гитары и принялся кричать: «Не бей меня, чувак, я мирный!»

А потом побежал. Это было невероятно, абсолютно неменяемый здоровяк гнался за Гизером, а Гизер в своем кафтане отчаянно пытался от него убежать. Понадобилась целая свора полицейских, чтобы унять чувака и увезти в тюрьму. Черт побери, какое замечательное начало в новой группе!

Джимми Филлипс и саксофонист долго у нас не задержались. Если было соло, все играли его одновременно. Эти двое, похоже, делали так забавы ради, и меня это расстраивало. Я созвал Билла, Гизера и Оззи на небольшое совещание и сказал:

– Саксофонист у нас не в тему, да и Джимми Филлипс тоже.

– И что ты предлагаешь? – спросили они.

Мы не хотели задевать чьи-то чувства, выгоняя ребят, поэтому сказали, что группа распадается. После этого мы пару дней не встречались, а потом вернулись к работе, но уже вчетвером.

Первые выступления получились отстойными. Эта группа даже рядом не стояла с Mythology, но я твердил: «Пройдет время, и все получится».

Я чувствовал потенциал. Это была странная смесь: чувак,

которого я знал еще со школы, но не общался; Гизер, человек с другой планеты; и мы с Биллом, наверное, еще с какой-то другой планеты. Но вместе все казалось органичным. Мы продолжали репетировать, дали несколько концертов, и все начало срастаться.

Мы отказались от названия The Polka Tulk Blues Band, быстро переименовавшись в Earth. Мы играли 12-тактовый блюз, как ребята из Ten Years After. Мне все нравилось, лишь бы гитара была. У нас были блюзовые альбомы исполнителей, о которых я никогда не слышал, но если в какой-нибудь песне было гитарное соло, мы решали: «О, эту мы сыграем, она классная, еще 12 тактов!»

Гитарные партии стали более джазовыми, да и Биллу нравилась музыка биг-бэндов¹². Оззи и с этим отлично справлялся. Я его частенько отчитывал, поскольку он поначалу не знал, что делать. Я говорил ему: «Давай, разговаривай с публикой, скажи ей что-нибудь».

А Гизер очень быстро освоился на басу: не успели мы оглянуться, как он уже вовсю лабал. Но так как мы играли блюз, работы было мало. В Бирмингеме был популярен соул, поэтому оставалась всего парочка мест, где мы могли поиграть. Пожалуй, лучшей площадкой в Бирмингеме для нас был клуб «Мамочки». Мы там выступали, но, помню я также

¹² Тип большого ансамбля джазовой или эстрадной музыки. Первые биг-бэнды появились в 1920-е годы в США как эстрадные танцевальные оркестры, приобрели особую значимость в эпоху свинга 1930-х годов. Основу репертуара биг-бэнда составляют нотированные пьесы с расписанными партиями.

и группы Chicken Shack, Collosseum Джона Хайзмана и Free. В клубе The Town Hall звук был дурацкий, но там мы тоже несколько раз выступили. Кстати, внутри буклета альбома *Volume 4* есть фотка, где мы там играем. Мы в основном выступали в кабаках, где был большой зал, который никто не использовал, — он сдавался тем, кто организовывал концерты. Например, Джиму Симпсону, который снял помещение над кабаком в центре Бирмингема, назвав его «Домом блюза у Генри». Пару раз в неделю он устраивал концерты, но это место стало очень популярным.

Из-за того, что сцена была крошечной, мы все сбивались вместе. Оззи торчал где-то передо мной, но позже, когда мы перебрались на более крупные площадки, он стоял слева перед моим стэкком, а я сместился в центр сцены. Не спрашивайте зачем — мне и в голову никогда не приходило. Казалось странным, но мне такая расстановка понравилась: в центре сцены было лучше всего слышно все инструменты. И так было, пока мы не развалились. Оззи перебрался в центр, только когда мы воссоединились много лет спустя, в девяностые.

Первым делом мы купили огромный фургон Commer с затемненными окнами. Это была старая развалина, бывший полицейский фургон с огромной дырищей в полу со стороны пассажира. Однажды я взял фургон и заехал за одной девчонкой. Для того чтобы хоть как-то прикрыть дыру, мы постелили коврик. Она вышла вся разодетая, в чулках, вскарабкалась внутрь и провалилась прямо в дыру. Металл разо-

драл ей чулки, к тому же она еще и ногу порезала. На этом роман закончился.

Мама помогла найти металлический пласт, чтобы закрыть дыру. Мы его настелили на пол, а сзади поставили диванчик. Затем снова отправились в Карлайл. Фургон постоянно ломался. Это был кусок дерьма, но и дороги не лучше. Казалось, что в Карлайл и Лондон мы ехали целую вечность.

Поскольку права были только у меня, а нанять водителя мы себе позволить не могли, перед репетициями и концертами за всеми заезжал я, и, так как все это висело на мне, нервы были полностью расшатаны, так что нам очень повезло, что мы остались живы. Они все дрыхли сзади, а я хлестал себя по щекам, чтобы не вырубиться. Только открою окно, чтобы взбодриться, как они тут же начинали ныть: «Э, чувак, нам тут вообще-то холодно!»

Как-то ночью по дороге домой я нашел улицу, в точности похожую на ту, где жил Оззи. Я решил, что будет прикольно подшутить над ним и высадить его там. Было четыре или пять утра, Оззи спал, и я сказал:

– Ну что, Оз, вот ты и дома!

– Мммэ-э-э...

Он выбрался из фургона, и я прокричал: «До завтра, пока!»

Я тронулся, посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как Оззи пытается вломиться в чужой дом. Когда до него дошло, мы были уже далеко. Пришлось ему пилить до дома

полтора километра. Следующим вечером, когда я его подобрал, он заметил: «Ты меня вчера не на той улице высадил!»

Я говорю: «Да ну! Боже, а мне показалось, это твоя улица!»

Позже ночью, по пути домой он снова уснул сзади, и я остановился на той же неправильной улице.

– Ну что, Оз, приехали!

– Мммэ-э-э...

Он выходит, мы уезжаем, опять та же картина. И так много раз.

Спасибо маме, что помогла купить фургон, но она вечно причитала: «Ты чертово недоразумение! Найди уже нормальную работу!»

Но она для нас много делала и за всеми присматривала. Всегда делала сэндвичи или еще что-то из еды, так что ребята из группы ее обожали. Моим предкам нравились все наши парни. Особенно они полюбили Оззи. Папа считал его забавным, и он был прав: Оззи был ходячим приколом.

Отец Оззи тоже здорово помог. У Оззи и вправду был аппарат, но нам нужен был побольше, тогда его батя подписал бумагу, которая называлась поручительством. Это означало, что он гарантировал выплату, и Оззи мог взять кредит на покупку. Он купил усилитель «Триумф» и два кабинета. К тому же у нас был аппарат Vox. В те дни не было звукаря, который вертел бы ручки за микшерным пультом; весь звук шел из оборудования со сцены, поэтому сначала ты увеличи-

чивал громкость, и все начинали орать: «Сделай потише!»

Нам жаловались, что мы очень громкие. Постоянно. Если стоишь перед своим кабинетом, то остальных не слышишь, поэтому приходилось перемещаться, чтобы понять, что вообще происходит. Вокалиста могло быть вообще не слышно, и это при том, что Оззи врубал свой усилиок так громко, что тот аж свистел.

Мы часто играли в «Доме блюза», где быстро набирались опыта. Джим Симпсон, владелец заведения, заинтересовался нами. Он был джазменом, трубачом, а мы играли блюз с элементами джаза. Ему нравилось, и он предложил стать нашим менеджером. Других вариантов у нас не было, а у него свой клуб, где мы могли выступать, и мы боялись что, если не подпишем с ним договор, нигде будет играть.

Джим Симпсон стал нашим менеджером примерно в конце 1968-го или в начале 1969 года. И вот у нас был аппарат, старый разваливающийся фургон Commer, сетлист, состоящий из 12-тактного блюза с примесью джаза, и менеджер. И мы все разодетые, и единственный путь – наверх.

Первым делом Джим Симпсон впахнул нас в Big Bear Folly, британский тур с участием четырех групп, и каждый вечер на сцену выходили все сразу и устраивали джем. В январе 1969-го мы выступили в Marquee, но не нашли общий язык с менеджером клуба, Джоном Джи. Этот парень был повернут на биг-бэндах, и, когда Билл заявил, что тоже фанатеет от джаза, Джон Джи поставил ему кое-что из этой му-

зыки и начал спрашивать: «А это тогда кто? Кто это?»

Билл назвал совершенно не те имена, и Джон Джи жутко психовал.

У Оззи был верх пижамы, а на шее он носил кран. Это Джону тоже не понравилось. Он, наверное, решил, что мы неряхи. Ну, так и было. Ну не было у нас денег на то, чтобы хорошо выглядеть. Вообще-то Оззи часто ходил босиком. Гизер был гуру моды, следил за последними веяниями. У него были зеленые штаны цвета лайма. Это была его единственная пара, он постоянно их стирал и носил снова и снова. Однажды он решил высушить их на обогревателе, и одна штанина загорелась. Так как он души не чаял в этих брюках, его мама пришила ему другую штанину, и с тех пор он рассекал с одной зеленой штаниной, а другой – черной. Чокнутый!

Биллу как-то присудили приз за самую дурно одетую рок-звезду, «Самая неряшливо одетая рок-звезда» или что-то вроде того. И он этим реально гордился. Ну а я ходил в замшевой куртке. В такой одежде и с копной волос мы выглядели по-настоящему брутально. Мы отрастили себе гусарские усы, а Билл еще и бороду отпустил. Не назвал бы это осознанной идеей. В коллективе вырабатывается единообразный имидж.

«О, у тебя волосы еще немного отросли, смотрится отлично, оставь так».

Удручало, что женщины не ходили на наши концерты. По-

глазеть на патлатых нерях приходили только парни...

Если приглядеться, можно было найти несколько девченок. Но и они выглядели как парни!

Заигрывание с Jethro Tull в цирке рок-н-ролла

Earth выступали всего несколько недель, и вдруг нам выпало разогревать Jethro Tull, уже завоевавших широкую популярность. Я считал их крутыми, но у них точно что-то было неладно, поскольку прямо во время концерта их гитарист, Мик Абрамс, передал Яну Андерсону записку с фразой: «Я ухожу» или «Это мой последний концерт». После выступления они спросили, не хочу ли я стать их гитаристом.

Я ответил: «Черт побери! Даже не знаю».

И я правда не знал. Я был в шоке от всего этого.

По пути домой я поделился с остальными: «Должен вам кое-что сказать. Меня пригласили в Jethro Tull, и я не знаю, что ответить».

Они меня очень поддержали и сказали: «Не упusti такую возможность».

Tull связались со мной, и я ответил: «Ну хорошо. Я попробую».

Но не все было так просто. Мне сказали: «Тебе надо пройти прослушивание».

Я встал в позу, но они настояли: «Приезжай в Лондон. Все будет в порядке».

Я приехал, вошел в помещение и, увидев кучу гитаристов из известных коллективов, запаниковал... и снова вышел. Я был знаком с Джоном, одним из участников их команды, еще со времен, когда он играл в группе Ten Years After. Он догнал меня и сказал:

– Слушай, не волнуйся, просто пойдешь в кафешку напротив, а я за тобой зайду, когда подойдет очередь.

– Ну, мне как-то не по себе.

Но он не отставал: «Ты должен попытаться, они хотят с тобой сыграть».

Он зашел и забрал меня из кафе. Когда настал мой черед, все уже разошлось. Мы начали с 12-тактового блюза, я запил соляк. Мы поиграли еще два-три раза, и мне сказали, что я принят.

Не успел я опомниться, как попал на репетиции Jethro Tull перед записью их нового альбома *Stand Up*. Песня «Living In The Past» из него потом попала на первое место в хит-параде Британии. Я придумал пару риффов для песни «Nothing Is Easy».

В Лондоне я чувствовал себя не в своей тарелке – к тому же не хотелось уходить из Earth, поэтому в качестве моральной поддержки я взял с собой Гизера. Он сидел на репетициях где-то в конце комнаты, ребята были не против. Джон приютил нас в своей квартире и возил на репетиции. Начинались они утром ровно в девять часов. В нашей группе я никогда не слышал о девяти утра – да и никто не слышал. В

группе Earth мы собирались, когда считали нужным. А у Tull нужно быть на репетиции без опозданий.

В первый день мы приехали, может, минут на десять позже, и я услышал, как Ян Андерсон орет на Джона: «Я же сказал, в девять!»

Я подумал, черт возьми, как у них все серьезно. Я еще даже гитару не подключил, а напряжение уже ощущалось. Строго в двенадцать был обед. Я присел за стол к Яну. Остальные сидели за другим столом и шептали мне: «Нет! Уйди оттуда».

Я удивился: что это с ними?

А они:

– Ты сидишь не с Яном, а с нами.

– В смысле?

– Он любит сидеть один. А мы сидим вместе.

Я задумался: черт-те что творится, странный тут расклад. Я думал, что в группу попал!

Тем вечером Ян Андерсон взял меня на концерт Free в Marquee. Он представил меня всем как своего нового гитариста, и я решил, что все замечательно. Я чувствовал себя поп-звездой. В Бирмингеме я был никому не известен, а тут вдруг влиятельные люди в Marquee мной интересуются – круто. Мы немного посмотрели выступление Free и ушли довольно рано. Утром ведь опять репетиция. В девять часов. И попробуй опоздать!

Но мне было некомфортно. Последней каплей стала

встреча с менеджером. Он сказал: «Будешь получать 25 фунтов в неделю, и тебе очень повезло, что тебе досталась эта работа».

Меня это разозлило. Я спросил: «В смысле, повезло? Они хотели взять меня, потому что им нравится, как я играю, о каком везении ты говоришь?»

После чего я решил, что хочу быть в группе, где все делается сообща, а не играть в составе, где все уже решено и мне, видите ли, «повезло». Я вернулся на репетицию и подошел к Яну: «Можно тебя на пару слов?»

Мы вышли на улицу, и я сказал:

– Мне не нравится вся эта обстановка. Мне некомфортно.

– А что не так?

– Меня эта ситуация не устраивает. Мне не нравится, что меня считают «счастливчиком».

Ян был классным, и он не виноват; он был достаточно дружелюбен. Он начал:

– Послушай, если ты уверен, что хочешь уйти...

– Да, уверен.

– У нас сейчас проблемы, потому что мы снимаем фильм «Рок-н-рольный цирк “Роллинг Стоунз”»¹³, а гитариста у нас нет. Хотя бы там отработай.

Мне и так было не по себе от того, что я их бросаю, по-

¹³ «Рок-н-рольный цирк „Роллинг Стоунз“» – представление, организованное по инициативе рок-группы The Rolling Stones, состоявшееся 11 декабря 1968 года и вышедшее как музыкальный фильм и альбом в 1996 году.

этому я согласился: «Да, без проблем».

Вот такие дела. Как только я вышел с той репетиции, тут же предложил Гизеру: «Давай снова соберем нашу группу».

Он спросил: «Уверен, что с Tull тебе не по пути? Может, не будешь спешить?» Он уговаривал меня, но потом сказал: «Я рад, что ты так решил».

Я предложил: «Давай сделаем все должным образом. Будем делать как они: репетировать по утрам и перестанем валять дурака».

Он согласился. Мы позвонили остальным и решили снова собраться.

Мне еще предстояло участие в «Рок-н-рольном цирке “Роллингов”». Открытие состоялось в отеле «Дорчестер». И снова я в своей замшевой куртке. В ней я и в фильме появился. Вся аппаратура «Стоунз» была установлена в актовом зале. Там же были The Who, Taj Mahal и все, кто засветился в фильме, но я не знал ни души и ощущал себя лишним на банкете. Марианна Фейтфул, должно быть, это почувствовала; подошла и сказала: «Все будет в порядке. Еще поболтаем».

Так она и сделала. Она была классная.

«Стоунз» начали играть, но не прошло и минуты, как они остановились. Они принялись спорить, и дошло до крупной ссоры. Весь зал притих. Брайан Джонс и Кит Ричардс кричали друг на друга: «Ты, блядь, в ноты не попадаешь, ебанный ты...»

Поскольку Мик Джаггер встречался с Марианной Фейтфул, он подошел к нам со словами: «Бля, они не в состоянии даже свои гитары сраные настроить».

Наверняка это было только начало неприятностей.

На следующий день снимали на каком-то огромном складе. Они установили сцену и декорации, которые напоминали цирковую арену. Всех заставили напялить дурацкие шляпы и цирковые прибамбасы, и мне это показалось смехотворным. Даже Эрик Клэптон сказал, что чувствует себя «сранным клоуном».

Мне вручили чертов кларнет, и мы вышли, притворяясь, что идем вокруг арены и играем. Клэптон, The Who, Джон Леннон – все должны были ходить вокруг этой арены. После того как мы наконец сделали все как надо – не знаю, с какого дубля, – народ начал скандировать, и стало более-менее комфортно.

Все мы с предвкушением ждали джем с участием Клэптона, Леннона, Митча Митчелла и Кита Ричардса на басу. Я сказал Яну Андерсону: «Скорей бы уже увидеть Клэптона».

Они начали играть какой-то инструментал, чертова Йоко сидела в ногах у Джона, и звучало совсем не круто. Ян заинтересовался: «Ну и как? Что теперь думаешь о своем кумире?!»

Мы делили гримерку с The Who, и я с ними познакомился. Они оказались достаточно приятными ребятами, да и сыграли круто. Я был абсолютно потрясен, когда услышал, как

Пит Таунсенд выдает соло, потому что он обычно их не играет, а исполнял он превосходно.

Не все играли по-настоящему; мы исполняли «Song For Jeffrey». Ян взял шляпу и предложил примерить.

Я ответил: «Выглядит неплохо», но чувствовал себя довольно стесненно и ни разу не поднял голову, поэтому лица не видно.

Целая вечность прошла, пока что-то из этих материалов вышло. Раза три-четыре я сталкивался с Биллом Уайменом, и он говорил: «А, точно, сделаю для тебя копию».

Но так и не сделал, поэтому я увидел все лишь годы спустя, и это был тихий ужас. Прошлый век. Но теперь это классика; половины участников шоу уже нет в живых. Джон Леннон, Кит Мун и Митч Митчелл... да, вот такой он – рок-н-ролльный цирк.

Ранние пташки и первые ласточки

Вернувшись из Лондона, я сказал остальным ребятам в группе: «Если мы собрались этим заниматься, давайте относиться к делу серьезно и по-настоящему трудиться, начнем репетировать с девяти часов. И ни минутой позже!»

Мы арендовали помещение в Доме культуры Ньютауна в Астоне, напротив кинотеатра, и начали жить в абсолютно новом режиме. Я заезжал за всеми, чтобы убедиться, что ребята будут вовремя. Гизер жил не так далеко, поэтому приходил пешком. Иногда он немного задерживался, но обычно мы начинали работать в приемлемое время. Именно тогда мы и начали сочинять собственные песни. «Wicked World» и «Black Sabbath» были самыми первыми. Мы знали, что у нас достойный материал; ты чувствуешь это, когда волосы на руках дыбом встают, и это особенные ощущения. Мы понятия не имели, что это было, но нам нравилось. Я придумал рифф для «Black Sabbath». Я играл «дум-дум-ду-у-уммм». И понял, что это оно! На этом и стали строить песню. Как только я сыграл первый рифф, началось: «О боже! Это круто. А что это?» — «Понятия не имею!»

Простенькая вещица, но у нее есть свое настроение. Только потом я узнал, что использовал то, что называют «интер-

валом дьявола», — аккорд настолько мрачный, что в Средние века церковь запрещала его играть. Я понятия не имел; чувствовал эту музыку изнутри. Она почти вырвалась из меня — обычно так и бывает. Затем каждый стал нанизывать по кусочку, и в конце концов получилось нечто потрясающее. Очень странное, но классное. Мы были в шоке, но знали: в этом что-то есть.

Гизер собирался стать бухгалтером. Вот почему он брал на себя роль учета денежной выручки после каждого выступления. Он был самым смышленным в группе, поэтому именно у него так хорошо стало получаться сочинять лирику. Я так не умел, а Биллу и двадцати лет не хватит, чтобы выдавить из себя хоть строчку. Оззи придумывал вокальные мелодии. Он просто пел все, что взбредет в голову, поэтому ему и пришла идея спеть строчку: «Что это стоит передо мною?» Гизер вскоре взял эту строчку и дописал остальную часть. Так что они с Оззи придумывали вместе.

Мы принимали много дури. Как-то раз мы были в каком-то клубе у черта на куличках. Оззи с Гизером увидели, что снаружи кто-то скачет, как идиот. Им казалось, что это эльф или что-то в этом роде. Боюсь, это был наркотический бред, но, вероятно, именно таким образом была придумана песня «The Wizard», тоже одна из наших первых. Они просто взяли и описали, что им привиделось. Наши первые песни часто называют пугающими. Мне, как и Гизеру, нравились фильмы ужасов. Мы ходили на ужастики в кинотеатр через

дорогу от репетиционной базы. Знаю, что есть фильм Бориса Карлоффа под названием «Черный Шабаш» (Black Sabbath), но мы про него тогда не слышали. Гизер предложил назваться Black Sabbath, и мы решили, что звучит реально круто.

Нам всегда казалось, что к этой музыке нас что-то да привело. Я сразу же сыграл рифф к «Black Sabbath», «дум-дум-дум», и вот оно. Родилось из ниоткуда, как и многие мои риффы. Будто кто-то стоял и сказал: «Сыграй вот так!»

Что-то или кто-то привносило идеи и направление из других измерений, словно невидимый пятый участник группы...

Из Earth в Black Sabbath

Когда мы выступали в Toe Bar недалеко от Карлайла, нас всегда возили в автоприцепе. Зимой в нем было так холодно, что мы жгли мебель, чтобы хоть как-то согреться. Однажды приехали на концерт в Манчестер, в дверях стоял парень в костюме с бабочкой. Мы подумали: странновато для блюзового клуба. Он сказал:

«А, вы Earth – заходите!»

Мы вошли, и он добавил:

– Мне нравится ваш новый сингл.

– О, спасибо!

Никакого сингла у нас не было, но мы не придали значения его словам, занесли оборудование и установили. Потом увидели, что все вокруг в бабочках, костюмах и вечерних нарядах, и до нас дошло, что они заказали не ту группу. Вскоре мы выяснили, что есть еще одни Earth, и это поп-группа. Менеджер клуба врубился в происходящее, но сказал: «Придется сыграть, раз приехали».

Мы сыграли одну песню, и все, кто ожидал танцев, начали кричать: «Это что еще за дерьмо?»

Нас выперли. И когда менеджер клуба ничего нам не заплатил, мы сперли кипятильник, стащили с задней стены

гримерки коврик, забрали ножи и вилки, взяли все, что смогли унести. И сказали друг другу: «С нас довольно, больше мы на такое не пойдем. Необходимо придумать другое название, которого ни у кого нет».

Джим Симпсон предложил назваться Fred Carno's Army. Черт возьми, становилось еще хуже! Фред Карно был давним импресарио театров-варьете, работавшим с Чарли Чаплином и Стэном Лорелом. У Оззи были идеи типа Jimmy Underpass и Six Way Combo. Гизер предложил Black Sabbath, и нам понравилось, как оно звучит.

Джим Симпсон организовал наши первые концерты в Европе. Это была наша первая поездка, и, когда мы заехали за Оззи, он вышел с рубашкой на вешалке. Мы ему сказали:

– Мы, знаешь ли, уезжать собираемся.

– Знаю.

– На несколько недель.

– Я в курсе.

У него была всего одна рубашка да пара джинсов, и все.

По дороге мы и приняли решение сменить название. Или это было в одном из первых клубов, где мы играли, в знаменитом гамбургском клубе «Звезда». Он вмещал человек 400 или 500. Потом нас еще несколько раз приглашали, и мы в конце концов побили тамошний рекорд посещаемости, установленный еще The Beatles.

Это было как раз после случая с Jethro Tull, и, вдохновившись подвигами Яна Андерсона, я купил себе флейту и

попытался сыграть на ней на сцене. Мы постоянно курили травку, поэтому я был довольно угашенным. Держал флейту чересчур низко, так что только выдувал воздух в микрофон. Оззи ушел за сцену, нарыл где-то огромное зеркало, вытащил его на сцену и поставил передо мной. Затем постучал мне по плечу, я обернулся и воскликнул: «О-о-о!!»

Еще один прикол вышел, когда Оззи нашел баночку пурпурной краски и выкрасил лицо. За сценой стояла большая стремянка, так он вскарабкался по ней, пока голова не показалась над кулисами. Все, что можно было увидеть, – его пурпурную голову, болтающуюся над задником. Такие сумасшедшие выходки, как ни странно, помогали нам окончательно не поехать кукушкой.

В те годы мы дали несколько туров по Европе. В первом турне проехали через Гамбург, Данию и Швецию, а в следующем заехали и в Швейцарию, где в течение шести недель выступали в Сен-Галлене. Мы играли от силы человек для трех, по четыре-пять выходов в день. Все, что нам доставалось, – это стакан молока да колбаска. Никаких денег – мы жили в полной нищете. Гизер был вегетарианцем, но был вынужден есть колбаски, потому что другой еды нам ему купить было не на что. Жили мы все в одной комнатухе над кафе, через дорогу от клуба, в котором выступали. Опоздавших не пускали. Однажды вечером мы с Оззи ушли с двумя девушками и остались у них. Гизер куда-то вышел, а зайти обратно уже не смог, и Билл связал вместе простыни и по-

пытался поднять его наверх. В это время мимо проходил полицейский. Пришлось долго объяснять на двух языках, что к чему.

Затем мы двинули в Цюрих. Когда добрались до места, оно оказалось битком. Там играла группа, выглядели они вполне радостно, и у них даже было шампанское. Мы подумали: чудесно, значит, и у нас будет. Нам-то было невдомек, что они провели тут шесть недель, и это был их финальный концерт. Все местные их провожали, и это была прощальная вечеринка. И стоило на сцену выйти нам, все будто вымерли. Мы вышли: минуточку, а что случилось-то? Куда весь народ подевался? Каждый день туда приходил один чудик. Он вставал на голову, все его деньги высыпались из карманов, он их собирал и сваливал. И в углу бара сидела какая-то шлюшка. Вот, пожалуй, и все.

Так как все равно никого не было, мы начали импровизировать. Тут мы подумали: стойте, если Билл выдаст соло на барабанах, а потом я сыграю соло на гитаре, остальные ребята смогут передохнуть. Несколько дней такое прокатывало, но затем нас, конечно же, раскусили. Во время барабанного соло Билла пришла дочка хозяина и сказала: «А ну-ка, прекратили этот шум! Вам платят за то, чтобы вы играли, а не за это!»

Жуткое место! Мы спали в одной комнате, вместе с оравой крыс. Владелец заведения отобрал у нас паспорта, чтобы мы не убежали. Это было чуть ли не рабство, мы играли

пять 40–50-минутных сетов в день, в выходные бывало и по семь, а платили нам жалкие гроши. Но ржали мы знатно, отчасти из-за того, что время от времени удавалось покурить косячок. А Билл курил кожуру от бананов. Бананы он съедал, соскребая все остатки со шкуры, заворачивал ее в тонкую фольгу, ставил в духовку, готовил, а потом скушивал. Он утверждал, что его неслабо торкает, и очень гордился своей находкой.

– Что это Билли делает?

– Ой, да ничего особенного – банановую кожуру свою готовит.

Black Sabbath записывают Black Sabbath

Когда мы выступали в «Доме блюза», туда заходили представители музыкального бизнеса, чтобы на нас посмотреть. По этой же причине мы как-то раз ездили в Лондон поиграть в Speakeasy; представители лейбла Chrysalis Records пришли нас послушать, но зал был пуст, и выступление получилось унылым. Все это делалось для того, чтобы заключить контракт. Нас отвергали, но это был не конец света. Надо стойко придерживаться своих принципов, гнуть свою линию и не меняться в угоду другим. Только так и можно сотворить нечто новое. Делать то же, что и все, проще простого; нужно придумать что-то свое.

В «Дом блюза» пришел Тони Холл, ему понравилась наша музыка, и он захотел нас подписать. Это был достаточно известный ди-джей, а теперь у него была своя компания Tony Hall Enterprises. Мы заключили с ними контракт, а они передали его лейблу Fontana. Думаю, они неплохо наварились. После этого мы видели Тони всего несколько раз. Он как-то раз появился в передаче *Top Of The Pops*¹⁴ («Вершина по-

¹⁴ Музыкальная программа британского телевидения, выходившая на Би-би-си и транслировавшаяся во многих странах мира. ТОТР, своего рода телеверсия

пулярности»), с тех пор я его не видел. Еще одним персонажем из тех дней был Дэвид Платц, подписавший нас на Essex Music. Это была дерьмовая сделка, но мне сказали, что они все такие. В любом случае он нас здорово дурил. Виделись мы с ним крайне редко. Странно, у него была кнопка, которую он нажимал и открывал дверь в секретную комнату за столом. Ему долго удавалось держаться. Возможно, благодаря этой комнате. После того как мы выбили настоящий контракт, настало время записать альбом. Каждый из нас получил по 100 фунтов, что для нас было огромной суммой, но, естественно, мы бы и бесплатно с радостью записались. Выпущенный альбом означал, что нас теперь смогут услышать. Осенью 1969 года мы записали парочку демо, «The Rebel» и «Song For Jim». Песню «The Rebel» («Бунтарь») придумал Норман Хайнс из группы Джима Симпсона, и Джим хотел, чтобы мы ее записали. Текст песни «Song For Jim» я уже не помню, но мы назвали ее в честь Джима ради прикола. Первоначальное прослушивание в лондонской студии Trident Studios проводил Гас Даджен, к тому времени уже известный продюсер. Мы с ним не сошлись во взглядах, поэтому он нам сразу же отказал.

Пару дней спустя мы выступали в Уоркингтоне, именно там Оззи заявил публике, что мы сменили название группы. Никаких празднеств по этому поводу мы не устраивали,

просто стали зваться Black Sabbath. И первый концерт Black Sabbath состоялся 30 августа 1969 года, но лично я считаю, что группа существует с 1968 года. Я постоянно забываю, что поначалу мы назывались Earth, но для меня важнее всего, что мы собрались вместе.

К тому времени в нашем репертуаре уже были песни «The Wizard», «Black Sabbath», «N.I.B.» и «Warning» – в общем-то, вскоре вошедшие в первый альбом. Больше не хотелось играть чужие песни. В любом случае 12-тактовый блюз уже не звучал уместно среди наших песен, так как собственный материал был совершенно другим. Тем не менее мы записали «Evil Woman», кавер на американский хит группы The Crows. На этом настоял Джим Симпсон, сказав, что нужно что-нибудь коммерческое.

Мы нехотя согласились, но все менялось в лучшую для нас сторону, поскольку на той же сессии мы записали свою песню «The Wizard». Симпсон использовал это демо, чтобы заинтересовать диджея Джона Пила. В ноябре мы появились в его шоу «Высшая передача» и исполнили «Black Sabbath», «N.I.B.», «Behind The Wall Of Sleep» и «Sleeping Village». Засветились на национальном радио. Дела пошли в гору!

Мы не выбирали продюсером Роджера Бейна, его выбрали за нас. Мы встретились заблаговременно, и он нам понравился: он казался довольно приятным парнем. Был таким же зеленым, как и мы, и за плечами у него не было большого опыта. Ему было чуть больше двадцати, как и нам, –

может, чуть больше. Будучи продюсером, он должен был за всем присматривать. Его присутствие шло нам на пользу, но советы он давал крайне редко. Может, он и предложил парочку идей, но песни уже были достаточно структурированы и отобраны.

В октябре 1969-го наш техник, Люк, отвез оборудование в студию Regent Sound на Тоттенхэм Корт-роуд в Лондоне и установил усилители. Студия была не больше крохотной гостиной, и мы все играли там одновременно, с перегородкой между нами и Биллом. Оззи пел в маленькой кабинке, а группа играла. Все было исполнено живьем. Это было важнее всего, и мы неплохо справились со своей задачей.

Я никогда прежде не работал в студии и ничего не смыслил в процессе записи – понятия не имел, где должны быть микрофоны и тому подобное. Точно так же, я думаю, было непросто Роджеру Бейну и звукоинженеру Тому Аллому прийти и начать с нами работать. Они никогда с нами не ездили, не знали наших предпочтений, не знали, как мы должны звучать, но они взялись за это дело и стали добавлять что-то свое. Сложнее всего было объяснить тем, кто нас записывал, как настраивать нашу звуковую аппаратуру. Моя гитара должна очень хорошо сочетаться с басом Гизера, чтобы создать плотную стену звука. Все они считали, что бас – это инструмент, издающий звуки вроде «дум-дум-дум», чистый и ясный. Но у Гизера звук более перегруженный, более гру-

бый, он тянет ноты, использует бенды¹⁵, так же, как на гитаре, чтобы звук был более жирным. Некоторые пытались заставить его убрать дисторшн, и получалось вроде «там-там-там».

– Да оставь ты, мать твою, его в покое! Это часть нашего звучания!

Пришлось всех долго убеждать. Еще они постоянно проигрывали дорожки по отдельности. Слушали гитару, и начиналось:

– О-о, слишком перегружена!

– Знаю, но ты включи всю группу и тогда услышишь, как она звучит!

Они все никак не могли въехать, что мы группа, которую надо слушать вместе, и неважно, как каждый звучит по отдельности. До Роджера Бейна наконец дошло, вот почему на ранних альбомах, записанных с ним, такое простое звучание. В основном все было так, как есть на самом деле: мы приходили, подключали инструменты и играли; всем спасибо и хорошего вечера. Так и было, никаких выкрутасов со звуком никто не устраивал. Так же и с барабанами – они просто были обвешаны микрофонами, и у нас получился натуральный, чистый звук, который мы и оставили на записи.

Все было сделано очень быстро. Мы думали: черт возм-

¹⁵ Бенд (bend – с англ. «подтяжка») – прием игры на музыкальных инструментах, с помощью которого можно извлекать «искусственные» ноты, не предусмотренные изначальным строем инструмента. Техника широко применяется при игре на гитаре, губной гармонике и некоторых духовых инструментах.

ми, у нас есть целый день на запись треков, класс, просто охренительно! Потом я узнал, что Led Zeppelin записывали свой первый альбом целую неделю, а они гораздо опытнее нас. У них был Джимми Пейдж, который прежде записывался с The Yardbirds. Он, в отличие от нас, так и шнырял по этим студиям, поэтому мы и понятия обо всем этом не имели.

Была у нас песня «Warning», с длинным гитарным соло. Песня слишком длинная, поэтому пришлось записать ее с первого дубля, иначе бы закончилось время. После первого же дубля Роджер сказал:

– Ладно, этого хватит.

– Но я хотел попробовать немного по-другому...

– Хватит!

– Можно мы сделаем еще один дубль? Думаю, у меня выйдет лучше.

В конце концов Роджер сдался:

– Ладно, давай еще раз.

И мы сделали еще одну попытку и на этом закончили: либо так, либо никак.

Весь альбом был сделан точно так же: играйте так, как играете на концерте. Играйте сразу, десяти дублей у вас не будет. Когда мы играли в студии, «Warning» получилась минут на пятнадцать или вроде того, с ума сойти. Роджер со звукоинженером сократили ее на пять минут. Вырезали большой кусок, повыдергивали парочку более мелких партий, ко-

торые я бы трогать не стал. Я был расстроен, потому что оригинальная версия звучала более плавно и целостно, но и пластинка не резиновая, и, возможно, пятнадцатиминутная композиция – это уже перебор.

Прикол в том, что, записав таким образом эту песню, в этой версии мы ее потом и исполняли. Так она и прижилась. Так что спустя сорок лет мы играем на сцене то, что получилось в студии в тот день. К примеру, когда мы записывали «Electric Funeral», Билл каждый, мать его, раз умудрялся играть по-разному. Он не знал, сколько раз нужно повторять те или иные куски, так что некоторые партии он играет три, а не четыре раза, и мы оставили три. Мы так до сих пор играем.

Многие думают, что «N.I.B.» расшифровывается как «Nativity In Black» («Рождение во мраке»). Это по-американски; они всегда так говорят: «О, это, наверное, что-то сатанинское!»

Мы прозвали Билла Вонючкой, но кроме того мы называли его Острием (Nib), так как его бородатая физиономия выглядела как наконечник пера. Звучало прикольно, и, когда пришло время придумать название для песни, разговор был такой:

– Как же мы ее назовем?

– Э-э-э... Nib?

Это была всего лишь шутка.

Я любил свой белый Fender Statocaster, потому что постоянно на нем играл. Я разобрал его на кусочки, собрал заново,

«утопил» звукосниматели, сточил порожки, в основном для того, чтобы было легче играть. Но в один судьбоносный день я приобрел в качестве запасной гитары Gibson SG. Две гитары – начались понты! В студии, как раз после записи первого в тот день трека, Wicked World, чертов звукосниматель на Fender вышел из строя. Я подумал: о боже, придется взять SG, на котором я никогда не играл! Я записал на нем альбом – и все, на нем и завис. На самом деле я потом поменял «страт» на саксофон. Сейчас и поверить не могу, что пошел на такое. Это была классическая гитара, и она отличалась по звуку от обычных «стратов» из-за всех моих переделок. Годы спустя Гизер увидел ее на витрине комиссионного магазина, а потом вернулся, чтобы купить ее мне. Но ее уже продали, и больше я ее не видел.

Это был праворукий Gibson SG, на котором я играл, перевернув его снизу вверх. Потом я встретил парня, который сказал:

– У меня есть друг, он правша и играет на перевернутой леворукой гитаре.

– Ты че, прикалываешься?! – спросил я его.

Я встретился с тем парнем, мы обменялись гитарами, и оба остались довольны. На моем Gibson SG стояли звукосниматели с одной катушкой, и, поскольку я использовал педаль treble booster (усиливает верхние частоты), они *жутко* шипели.

Я перебрал звукосниматели, уложил их в корпус и потом

подключил вместе по-разному. Я снова возился с гитарой, проделав все то же самое, что и со «стратом». Этот SG был мне очень дорог, но больше у меня его нет. Он выставлен в качестве экспоната в кафе «Хард-рок». Но при желании я могу его забрать.

У нас не было времени присутствовать при окончательном сведении альбома, так как мы уезжали в европейский тур. Там, честно говоря, и сводить-то было нечего: все записано на четыре дорожки, ни сотен барабанов, ни наложений, так что все очень просто. Роджер Бейн с Томом Алломом добавили в песню «Black Sabbath» колокола и раскаты грома. Один из них притащил пленки с эффектами и предложил добавить.

Мы согласились, решив, что это круто. Потому что так и есть, это действительно задает настроение всему треку.

В выборе обложки мы никак не участвовали. Фотку сделали на водяной мельнице в деревеньке Мейплдарэм. Когда делали фото, нас не было, но мы познакомились с девушкой, чье фото попало во внутренний конверт. Она как-то раз пришла на наше выступление и представилась. Как по мне, превосходная обложка и очень своеобразная. Но на внутреннем конверте оказался перевернутый крест, с которого начались многие наши неприятности. Мы неожиданно стали сатанистами.

Но нам было не до этого – нас переполняли эмоции от того, что вышел альбом.

Новый менеджмент

Звукозаписывающая компания перекинула нас с Fontana на другой свой лейбл, Vertigo Records. В основном по причине того, что это был новый лейбл с более прогрессивными коллективами. Но мы с ними нечасто контактировали: они желали разговаривать только с менеджером. Во всяком случае, нам так сказали. Иногда приходили представители лейбла, но мы понятия не имели, кто они такие.

Маркетологи настояли, чтобы альбом вышел в пятницу 13 февраля 1970 года. Перед релизом мы давали интервью, но, когда Джим Симпсон передал нас в руки Патрику Миэну, все закончилось. Он прекратил наше общение с прессой, поскольку наша недоступность добавляла выходу альбома интриги. Мы редко звучали по радио, так как единственным, кто нас ставил, был Джон Пил. Даже несмотря на это, в первую неделю было продано более 5000 копий благодаря сарафанному радио в мире андеграунда, особенно в городах, где мы успели обзавестись поклонниками благодаря живым выступлениям.

Пресса нас ненавидела, поносила направо и налево. Безусловно, это задевает, но мы не собирались из-за этого изменять музыку. Пластинка продавалась, так что однозначно

хоть что-то мы сделали правильно. Мы верили в то, что делали, любили это, поэтому ничем другим заниматься не могли – оставалось лишь продолжать гнуть свою линию.

Только когда гранж стал набирать популярность, и все эти музыканты говорили, что Black Sabbath оказали на них большое влияние, мы стали весьма популярными. И вот тут мы начали читать про себя комплименты и шутили: «Постой-ка, что происходит? О нас не могут писать хорошее!» Потому что мы всегда говорили: «Как только нас начнут хвалить – пора завязывать».

Сингл «Evil Woman» погоды не сделал, но альбом поднялся на восьмое место. Джим Симпсон еще до выхода пластинки организовал нам множество выступлений, а платили нам по-прежнему не больше 20 фунтов, почти ничего. Мы у него спросили:

– Погоди-ка, на сколько еще запланировано этих концертов?

– О, у нас на несколько месяцев вперед все расписано.

Это уже было смешно. Даже те, кто приходил в клубы, в которых мы играли, говорили нам: «Чего вы за копейки-то вкалываете?! Ради чего себя так истязать?»

Мы все обдумали и решили: ну на хер, с нас довольно! И когда позвонил менеджер-тяжеловес Дон Арден и сказал, что хотел бы с нами поработать, мы поехали к нему на встречу в Лондон. Уилф Пайн встретил нас на «Роллс-Ройсе». Уилф – достаточно приятный парень, если ты его знаешь, но,

с другой стороны, характер у него весьма злобный. Я слышал пикантные истории о том, что он сделал для Дона Ардена. Вокруг Дона всегда творилось что-нибудь суровое. Возле него крутилась куча бандюганов. Когда мы приехали к нему в офис, он начал немного давить: «Вы станете великими. Всюду будут висеть ваши плакаты, будете на первых местах. Я вас выведу на вершину!»

И так далее. А потом: «Подпишите здесь!»

Мы не могли так просто это сделать. Он слишком давил. Поэтому мы свалили, понятия не имея, что теперь делать. Он ведь и убить может! Он продолжал с нами контактировать, приглашал на ужин, грузил разными предложениями. Не отставал от нас, а потом в один прекрасный день с нами связался Уилф и сказал: «У меня есть еще один парень, который хочет с вами встретиться. Я привезу его прямо в Бирмингем».

Это был Патрик Миэн. Он казался гораздо более уравновешенным, чем Арден, и говорил то, что мы и хотели услышать: «У вас вышел альбом, но его никто не продвигает. Вам пора давать более серьезные концерты...»

Приятно было такое слышать. Вместо того чтобы быть на вершинах хит-парадов, мы хотели играть. Чувак изложил все четко и по делу, поэтому мы в итоге подписали контракт с Патриком Миэном.

Сегодня кажется странным, что Уилф, работавший на Ардена, предложил нас Миэну. Возможно, Уилф решил так:

Дон им не подходит – может, срастется с Патриком. Так и получилось. Но мы не имели представления, в каких близких отношениях Арден был с Миэном. Отец Патрика Миэна работал на Дона Ардена, так что связь там определенно была.

Несколько лет назад Уилф написал книгу. Там есть наша с ним совместная фотография, а на другой странице Уилф с Джоном Готти, главарем нью-йоркской мафии. Я подумал: как меня угораздило в такое вляпаться?

Патрик Миэн научился всем премудростям бизнеса у папаши, у которого была своя управляющая компания. На первых порах все казалось сказкой. Миэн толкал красивые речи и поначалу продвигал процесс. Именно он вытащил нас в Америку. Для нас все тут же переменялось. Мы летали на частных самолетах. Исполнялся любой наш каприз. Достаточно было позвонить ему и сказать:

– Хочу купить новую тачку.

А он лишь спрашивал:

– Без проблем. Какую?

В моем случае это была «Ламборгини» или «Роллс-Ройс», неважно.

– Где она?

Я называл ему место.

– Сколько?

Я называл сумму.

– Я все оплачу и распоряжусь, чтобы тебе ее доставили.

И все. Если мне хотелось купить дом: «Где этот дом?»

Сколько стоит?»

И у меня был дом. Так и жили. Но никогда не видели каких-то значительных сумм наличными, даже если они и были. Нам положили немного денег на банковские счета. Но, учитывая, из какой дыры мы вылезли, даже несколько сотен на счету были большим подспорьем. Полагаю, мы так и не узнали, сколько на самом деле зарабатывали. У нас были бухгалтеры, но мы никогда не задавались вопросом, в чем, собственно, их роль и от кого они получают поручения.

«О, это крупная бухгалтерская фирма, все должно быть в порядке!»

Мы ничего не знали о финансовой стороне вопроса. Когда мы появлялись в офисе, все приветствия заканчивались фразами: «Кстати, подпишите эти бумаги. Здесь и здесь, я вам все расскажу, это из бухгалтерии».

И думаешь, что все честно и открыто.

Но Миэн мне нравился. Он нам всем поначалу нравился, и мы в него верили.

На грани паранойи

После записи Black Sabbath мы сразу же приступили к сочинению песен для второго альбома. Некоторые из них были написаны во время тура по Европе – к примеру, «War Pigs». Когда мы играли в том жутком месте в Цюрихе, много джемовали, тогда и появилась основная идея. Позже, на репетициях, мы превратили ее в песню. Мы сочиняли везде, где репетировали, компануя идеи и мелодии. Часть подготовительной работы к *Paranoid* мы проделали в Монмуте, Уэльс, потому что захотелось куда-нибудь уехать и отгородиться от всего. Мы были там одной из первых команд после Дэйва Эдмундса. В других местах приходилось репетировать, а потом расходиться по домам, а там мы могли быть все время вместе.

Запись альбома *Paranoid* протекала достаточно быстро. Мы вернулись в студию Regent Sound, где снова работали с Роджером Бейном. На этот раз ушло не более трех-четырех дней, ненамного больше, чем на первую пластинку. Из-за того, что за несколько дней до этого мы попали в драку, я записывался с огромным фингалом под глазом. Это было время модников и рокеров, и мы выступали на приморском курорте. Мы закончили выступление, и Гизер вышел, чтобы

сделать телефонный звонок. Вскоре он второпях вернулся с возгласами: «Вашу ж мать, за мной увязалась куча скинхедов, и они ждут нас снаружи».

Мы вышли взглянуть, что там творится, и дело было серьезное. Оззи схватил молоток, а я спросил:

– Кто из них до тебя доебался, Гизер?

Он указал на чувака:

– Вот этот!

Я подошел и врезал этому парню, а потом они все посыпались из ниоткуда. Полный хаос, но во время драки не до разборок. Какой-то чувак схватил меня за шею, и я проорал: «Оззи, тресни-ка его молотком!»

Оззи вмазал ему в момент, когда тот выпрыгивал у меня из-за спины, зарядил ему с плеча чертовым молотком прямо по морде. Жестко было. Они носили ботинки с металлическим мысом и били нас прямо по мордасам. Удалось свалить оттуда, но досталось нам прилично.

Рон Вудворд, мой давний сосед, игравший на басу, привез нас на концерт, так как только что приобрел новую тачку. Мы запрыгнули к нему в машину с криками: «Газуй отсюда к хуям собачьим!»

Но он двигался, как слизняк под валиумом, а мы орали как резаные, с фингалом под глазом, всюду кровища: «Педаль в пол! Жми, жми!!!»

Скинхеды с дубинками в руках ломились вниз с холма, пытаясь нас перехватить, а Рон медленно тронулся с ме-

ста. Он, оказывается, боялся гонять на новой машине. Мы все-таки смылись, но это длилось целую вечность, так как он плелся, как черепаха. Наконец я добрался домой, зашел внутрь, мама была в спальне.

— Как прошел концерт?

Я приоткрыл дверь.

— А, замечательно!

В плане текстов *Paranoid* имел политическую окраску — по крайней мере, это касалось «War Pigs». Это не негативная реакция на якобы «оккультный» первый альбом, потому что мы ни разу не пожалели о том, что сделали. Просто так получилось. Но не весь же *Black Sabbath* был, так скажем, за неимением более подходящего слова, оккультным, и не весь *Paranoid* — политическим. «War Pigs» вообще-то начиналась с длинной композиции под названием «Walpurgis», и можно предположить, что песня о сверхъестественном. Дело не в этом. Может, это было лишь рабочее название, с еще не написанной лирикой. Не знаю, почему Гизер переделал ее из «Walpurgis» в «War Pigs». За лирику в группе, безусловно, отвечал он. Мне всегда нравилось, что у него получалось, поэтому я его не донимал вопросами.

Роджер Бейн и Том Аллом ускорили концовку «War Pigs». Когда мы впервые услышали этот вариант, нам показалось странным их решение, но мы тогда не имели права голоса.

Мы курили много дряни, поэтому кое-что из лирики может восприниматься немного необычно. Как в песне «Iron

Man» («Железный человек»), которая получилась из прико-
ла об ожившем роботе. Предполагаю, там были очень серьез-
ные мысли о том, что кто-то не может выбраться из этого
тела, этой штуковины. И взгляните на «Fairies Wear Boots».
Что за слова! Но никто не придирался, и все принимали это
как данность.

После того как мы записали все треки, Роджер сказал:

– Этого недостаточно. Можете придумать еще одну пес-
ню? Простой коротенький трек?

– А? Ну да, наверное.

Остальные ушли на обед, и я стал играть: ДадаДадаДа-
даДада ДадаДадаДадаДада дудудудудудудуду дудудудудуду-
дуду Дадада: «Paranoid». Когда все вернулись, я сыграл им
рифф, и он им понравился. Гизер придумал текст – не пом-
ню, помогал ему Оззи или нет. Когда мы начинали играть
новую песню, Оззи импровизировал и пел, что взбредет в
голову, «лечу из окна» или что попало, и, наверное, он даже
не понимал, что поет. А Гизер вдруг говорил: «О, а вот это
я, пожалуй, использую!»

Гизер работал над текстами до того, как мы начинали за-
писываться, а в некоторых случаях даже в студии. От Оззи
требовалось потом это точно воспроизвести. Он придумы-
вал мелодию, чаще всего следуя за риффом. Не знаю, каким
образом Гизер выдумывал слова для «Paranoid», но у него
было достаточно богатое воображение. Он мог немного по-
сидеть, слушая музыку, а иногда просил тишины. Он запи-

сывал строки, потом некоторые вычеркивал и заменял другими. Затем отдавал Оззи, и, естественно, Оззи спрашивал: «Это как, блядь, вообще понимать, Гиз?»

«Параноик». Сомневаюсь, что мы в то время понимали, что это за слово. Мы с Оззи ходили в одну и ту же паршивую школу, где уж точно ничего подобного не слышали. Мы знали, что означает «блядь» и «отъебись», но что такое «параноик»? Поэтому мы и оставляли все это Гизеру, так как считали его более образованным.

Все треки длились пять с половиной минут. Мы никогда не играли трехминутных песен, так что «Paranoid» была чисто для того, чтобы заполнить место на пластинке.

Мы никак не думали, что это будет хит. Из всего нашего материала ее всегда отбирали для сборников, использовали в телепередачах и фильмах. Я сочинил ее от силы минуты за четыре. В основе простая, цепляющая тема, и именно это, похоже, так всех и притягивает. Благодаря «Paranoid» мы даже попали в передачу *Top of The Pops*. Мы очень нервничали, потому что по меркам Британии появиться в этом шоу было весьма престижно. Наверное, громче нас у них еще никого не было. Атмосфера мне вообще не понравилась, ох уж эти людишки из Би-би-си, которые диктуют тебе, что делать и как себя вести. Ситуация накалилась, когда я сказал:

– Перестаньте светить на меня прожектором! Он сводит меня с ума!

– Мы не можем его вырубить.

– Ну тогда вообще уберите его!

И конечно же, я играл в полной темноте. Больше мы там не появлялись. В любом случае наша группа была не создана для *Top of The Pops*.

Если альбом *Black Sabbath* вызвал разногласия из-за перевернутого креста во внутреннем конверте, то на *Paranoid* было сделано все, чтобы переплюнуть дебютник. Поначалу мы собирались назвать пластинку *War Pigs*, и даже была обложка с чуваком со щитом и мечом: «Свиньи войны». Но такое название не пропустили, изменив на *Paranoid*. Мы спросили: «А как это связано с обложкой?!»

Что-либо менять было уже поздно, потому что срочно нужно было определиться с названием.

– Нет, мы не можем использовать *War Pigs*. Как же мы его назовем?

– Будет *Paranoid*!

На том и порешили.

Sabbath, Zeppelin и Purple

Джон Бонэм и Роберт Плант родились в Бирмингеме. Мы с Биллом, когда играли в группе The Rest, часто выступали вместе с Бонэмом. Он был в одной команде, а мы – в другой, но выступали мы в одних и тех же клубах. А Гизер в то время знал Роберта Плана лучше, чем я. Как-то раз мы с Гизером отправились в магазин и случайно встретили там Джона с Робертом. Они сказали:

- У нас новая группа, мы вместе с Джимми Пейджем.
- О, круто!

Лично с Джимми Пейджем мы знакомы не были, но знали его по The Yardbirds, так что были за них рады.

Дебютный альбом Led Zeppelin мне понравился. Их тяжесть шла от мощной игры Бонэма на барабанах. Пейдж выдавал классные риффы, но у него не было тяжелого звука; его звучание было своеобразным. И в комбинации это звучало превосходно. У нас, однако, был другой подход: все дело было в риффе, тяжело звучащей гитаре. Там, где Zeppelin опирались на громоподобные барабаны, у нас была стена звука из жирной гитары и баса.

Билл Уорд как-то сказал, что в то время мы решили превзойти Zeppelin по тяжести. Я этого не помню, но могло быть

и так. Так бы любой сделал. Но в действительности же никакого лютого соперничества между Sabbath и Zeppelin не было. Все мы родом из Бирмингема, из одной банды, если угодно, так что мы всегда желали им всего наилучшего, и, уверен, они нам тоже.

Сейчас все свободно общаются с музыкантами из других групп, но тогда так было не принято. Мы общались с ребятами из Led Zeppelin, потому что дружили с Бонэмом и Плантом. Между группами из Лондона и Бирмингема, Мидлендса¹⁶, всегда существовала некоторая неприязнь. Лондонские музыканты считали себя круче нас. Свысока смотрели на тех, кто из Мидлендса, а мы, в свою очередь, считали лондонцев снобами. По этой причине была конкуренция и соперничество, и группы пытались уделывать друг друга. Были Zeppelin, Sabbath и Purple, но соперничество было только с Deep Purple, во всяком случае, чуть позже уж точно, когда *Paranoid* попал в хит-парады, а у них вышел сингл «Black Night». Именно когда оба коллектива взбирались по хит-парадам, мы чувствовали настоящее противостояние.

Мы настолько дружили с Led Zeppelin, что они даже хотели перетащить нас на свой лейбл, Swansong. Не знаю, почему этого так и не произошло. Может быть, мы не смогли разорвать контракт с Warner и Phonogram, так как они подписали нас на веки вечные. Мы бы с радостью согласились и на

¹⁶ Территория Англии, охватывающая ее центральную часть вокруг города Бирмингем.

то, чтобы нашим менеджером стал Питер Грант, но это было невозможно. Думаю, он занимался только Led Zeppelin, а позже, конечно, и Bad Company, с лейбла Swansong. Раньше было мало менеджеров, работавших с большим количеством коллективов. Был один менеджер на группу. У нас был Патрик Миэн, и больше он никем не занимался – по крайней мере, поначалу.

Ребята из Led Zeppelin приходили к нам во время записи *Sabbath Bloody Sabbath*, и мы джемовали вместе. Бонэм хотел сыграть одну из наших песен, думаю, это была «Sabbra Cadabra», но мы сказали: «Не, мы уже играем наши песни. Давайте просто устроим джем и поиграем что-то еще».

Не знаю, остались ли какие-то записи. Это было бы нечто особенное: Black Zeppelin. Это единственный раз, когда две группы играли вместе. Да, Джон джемовал с нами в годы становления, но Биллу не нравилось, что Джон играет на его установке. Это была его гордость и отрада, а Бонэм всегда ему что-нибудь ломал.

– О, Билл, дай поиграть...

– Не, что-нибудь сломаешь.

– Ну дай попробовать, Билл.

– Ни фига!

Они были сумасшедшими, серьезно.

Мы до сих пор дружим с Zeppelin, даже несмотря на то, что Бонэм сильно обидел Ронни, когда в мае 1980 года пришел к нам на концерт в «Хаммерсмите». Джон стоял сбоку

сцены, веселился, попивал «Гиннесс», надираясь все больше и больше, пока продолжалось выступление. Мы сошли со сцены, и он ляпнул: «Для ебаного карлика у него потрясающий голос!»

Естественно, Ронни услышал. Бонэм на самом деле комплимент хотел сделать, но вышло наоборот. Ронни повернулся к Джону и выпалил: «Охуел, уебок сраный?!»

Чуть до драки не дошло. Схватка была бы неравной, поскольку Джон был тем еще хулиганом. Так что я ему сказал: – Слушай, прекрати, пожалуйста.

Он начал:

– Да что с ним такое?!

– Ну, ему не очень нравятся подобные эпитеты. Просто возвращайся в отель, позже увидимся. Сейчас не самое подходящее время.

Он ушел, но, черт возьми, все могло закончиться куда хуже.

Пейджи тоже наш хороший друг. Пару лет назад ему захотелось посмотреть наше выступление на фестивале Fields of Rock в Голландии, и он полетел с нами. Мы зависли, он посмотрел концерт, мы вместе заценили выступление Rammstein и улетели обратно. С тех пор мы с Пейджи виделись неоднократно.

И это Америка?

Наш первый альбом долгое время держался в американском хит-параде, хотя в Америке мы даже еще ни разу не были. А после выхода *Paranoid* наконец-то съездили. Мы за чем-то по дурости взяли с собой свою аппаратуру. Поволокли с собой аппарат Laney, колонки Laney, но дорожных кейсов для всего этого у нас не было, поэтому при загрузке и разгрузке усилители и кабинеты изрядно побились. Мы прилетели в Нью-Йорк, и наши ожидания были заоблачными: «Ребята, ущипните меня! Ох, до чего же круто, поверить не могу!»

Но первый концерт прошел в крохотном задрипанном клубе Ungano's на 70-й Западной улице в Манхэттене. Предполагалось, что это будет *культовое* место, как, к примеру, лондонский Marquee, но после того как мы увидели, что это был за гадюшник, больше мы так не думали. Подозреваю, нас туда запрягли, так как надеялись, что придут агенты и представители звукозаписывающих компаний.

Наш техник, Люк, даже не представлял себе, что в Америке электросеть устроена по-другому, так что, когда он включил аппаратуру, все взорвалось.

«О, черт побери, что мы теперь будем делать?»

Это был настоящий хаос, но вскоре удалось все заставить заново работать. Мы отыграли в этом клубе два вечера, и я подумал: «Ну, приехали! И это Америка?» Сплошное разочарование. Но на третий вечер мы играли в Fillmore East, и это было охренительно. Мониторы... это был совершенно другой уровень! Мы впервые реально слышали друг друга на сцене, и я мог расслышать, что на самом деле поет Оззи. Это было потрясающе, и больше мы ни о чем не жалели.

В Fillmore мы выступали вместе с Родом Стюартом и The Faces. Мы отыграли отлично, а Род Стюарт вышел, публика начала его освистывать и фактически согнала со сцены. Мы дали с ним два концерта, и то же самое случилось следующим вечером. Парень был недоволен. Но именно тогда мы поняли, что достучались до местной публики...

Мы действительно понравились американцам!

Про нас мало кто слышал, поэтому некоторые вообще думали, что Black Sabbath – это группа чернокожих. Но продолжалось это недолго, и вскоре они поняли, что мы не совсем соул-группа. Тур продолжался, и мы смогли потусоваться и посмотреть на другие команды: например, James Gang. Мы выступили с ними в клубе Fillmore West в Сан-Франциско, и Джо Уолш курил там чертову ангельскую пыль¹⁷. Прямо перед концертом Гизер сказал: «Затянусь-ка и я разок».

¹⁷ Ангельская пыль – смесь героина, морфина и кокаина, используемая для курения или инъекций.

И Оззи за компанию. Они думали, что косячок раскуривают. Гизер рассказывал, что у него прямо на сцене начались галлюцинации и он до смерти испугался. Большую часть времени почти все из нас были под кайфом. Но я особо не увлекался. Я, конечно, не святой, но считал, что благоразумнее стараться быть в адеквате. До определенного момента.

Вальпургиева ночь

В любой стране в то время были те, кто даже не понимал наши тексты, так как не знал английского. Но по каким-то вибрациям музыки они решали, что она сатанинская. На самом деле нас приглашали вступить в сатанинские секты. Алекс Сандерс, главный ведьмак Англии, «Король ведьм», ходил на наши концерты, пытаясь завлечь к себе. А когда мы впервые выступали в Сан-Франциско, Антон Лавей, основатель Церкви Сатаны, устроил парад в нашу честь. У меня даже фотография сохранилась. Лавей в «Роллс-Ройсе» и большой баннер с надписью: «Добро пожаловать, Black Sabbath». Я подумал: это что такое? Очень мило с их стороны!

Когда мы отклонили предложение сыграть «Walpurgis» в Стоунхендже, одна секта наложила на нас проклятие. Мы очень серьезно к этому отнеслись. Именно тогда мы и начали носить кресты. Поначалу Оззи носил на шее кран от кухонной мойки. Теперь же он носил настоящий крест. В то время мы часто обсуждали сны, и нередко получалось, что снятся нам одни и те же ситуации, что странно. Может, это была Вальпургия, но однажды ночью нам всем приснилось, что крест защитит нас от зла. И мы стали их носить.

Отец Оззи смастерил нам алюминиевые кресты, выгля-

девшие будто сделанные из серебра. После того как он сделал первые четыре, производство переросло в массовое, потому что мы стали продавать их на концертах. Позже Патрик Миэн сделал нам золотые. Он увидел нас с алюминиевыми крестами на веревке и, я так предполагаю, подумал: надо им достать что-нибудь поприличнее.

Я никогда не выхожу на сцену, не надев креста. Когда собираюсь в турне, у меня есть два предмета, за которыми я слежу с особой тщательностью: крест и напальчники. Крест большущий, и я несколько раз заряжал им себе по лицу. Наклоняешься, чтобы сесть в машину, и раз! Приятного мало. Гизер посеял свой золотой крест на матче «Астон Виллы». Билл свой где-то припрятал, но свой старый алюминиевый носит. Я свой оригинал потерял. Возможно, как обычно, куда-то положил и забыл. Так и представляю, как новый владелец одного из моих старых домов вдруг натывается на него и: что это за крест... и откуда здесь грамм кокса?

Конечно же, никакими сатанистами мы не были, а наша музыка не была сатанинской. Гизер и его семья были очень религиозны, ирландские католики — он до сих пор им остается, — но в то же время он интересовался оккультизмом. Прочитал множество книг английского оккультиста, мистика и писателя Алистера Кроули. Нам обоим был интересен потусторонний мир, и мы довольно долго в этом копались. Оттуда Гизер и черпал идеи. Они определенно сыграли важную роль в написании первого альбома. Вокруг все сходили

с ума по хиппарской теме¹⁸, никто не писал о реальной жизни: о войне, массовом голоде и так далее. Мы увидели, что к чему, и решили: кто, если не мы? Но обвинения в оккультизме или, что еще хуже, в сатанизме на первом альбоме просто смешны.

Шумихи по поводу нас по-прежнему хватает. Особенно в Америке, поскольку там церковь играет весьма существенную роль. Мы приезжаем на концерт, а священники и их прихожане размахивают плакатами: «Не приходите слушать эту группу. Они – сатанисты».

Потом был случай с медсестрой, совершившей самоубийство в своей квартире, и что там нашли? Альбом *Paranoid* в проигрывателе! Так что виноваты, разумеется, были мы. Проводилось расследование, в котором был упомянут *Paranoid*, но, как выяснилось, нашей вины не было. Слышать подобное было шоком, потому что это совершенно не про нас. Мы не пытаемся никого убить! Кроме того, если люди впадают в депрессию и ставят наш альбом, вряд ли они накладывают на себя руки из-за музыки.

Были и представители темных сил. Однажды к нам на выступление пришли три ведьмы. Ну, предположительно ведьмы. Они увидели, что на нас настоящие кресты, и их след простыл. Чуть позже, как-то ночью мы вернулись в отель,

¹⁸ «Власть цветам!» – лозунг хиппи, «людей-цветов», считавших, что преобразовать общество можно только с помощью проповеди всеобщей любви и духовной чистоты, символами которых являются цветы.

поднялись на свой этаж, а там полно народу в черных накидках, при свечах, они сидели в коридоре перед нашими номерами. Мы подумали: что за хрень тут творится? Нас воспринимают слишком серьезно. Черт возьми! Мы перелезли через них и пробрались в номера, а они все держали свечи и что-то бормотали. Мы созвонились и договорились: «Что будем делать? Ждем полминуты и выходим».

Так и сделали. Вышли в коридор, задули свечи и спели им «С днем рождения». Они с отвращением поднялись и свалили. Но все могло быть куда хуже. Они нас там и заколоть могли!

Позже, в период альбома *Volume 4*, мы выступали в клубе Hollywood Bowl. После отстройки звука мы вернулись в гримерку. Она была заперта, а на двери был намазан большой красный крест.

«Чертовщина какая-то!»

Наконец мы открыли дверь и больше об этом не думали. Когда вышли на сцену, вскоре мой усилилок начал потрескивать. Вот незадача! Я был взбешен, развернулся и пнул ногой свой стэк. А за ним стоял Люк, техник, и я пинал эту штуку, пытаюсь опрокинуть, а потом просто взял и свалил. Таким вот я был, никакого терпения. Когда я убежал со сцены, даже не заметил, что сбоку стоял парень с кинжалом и чуть меня не пырнул. В конце концов его повалили на пол, скрутили и увели. Оказалось, он порезал себе руку и кровью намазал крест на двери гримерки. Это был один из этих религиозных

чудиков, не от мира сего. Мне показали кинжал, и я глазам не поверил: он был огромный! Приходилось частенько стлаться со всякими психами, но чувак явно перегнул палку.

Там же, в Америке, к нам приходил главарь «Ангелов Ада»¹⁹, чтобы благословить нас. Он сказал: «Если возникнут проблемы – один звонок, и мы все уладим».

Что можно ответить человеку, который делает тебе такое предложение? «Отъебись?» Себе дороже! Так что мы ответили: «Круто! Спасибо!»

Может, надо было рассказать ему о том парне с кинжалом...

¹⁹ Один из крупнейших в мире мотоклубов, имеющий свои филиалы по всему миру.

Выходки Оззи

У Оззи был слабенький мочево́й пузырь. Однажды вечером мы пошли в клуб и прилично выжрали. Оззи уснул на диванчике, и, так как они уже закрывались, охранник сказал:

– Вам лучше его забрать.

– Не буду я его забирать. Хочешь, чтобы он убрался, попробуй его для начала сдвинуть, – ответил я.

– Я, блядь, сейчас его сдвину, – произнес он.

Он поднял его, закинул на плечо, и тут Оззи обоссался, прямо на костюм этого чувака.

Со временем мы смогли себе позволить снимать по два номера. Гизер с Биллом в одном, а мы с Оззи – в другом. Это было уже лучше, но, когда я крепко спал, Оззи вставал прямо среди ночи. Включал телик на полную громкость и шел в душ. Я вскакивал, не понимая, какого черта происходит, вырубал телевизор и возвращался в кровать. Оззи вылезал из душа и снова включал ящик на всю катушку. Я слушал, как Оз топает, чем-то там бьет, возится, и думал, что лучше мне, наверное, уже тоже встать.

Когда мы стали селиться в отдельные номера, я думал, это круто! Но ничего не изменилось: я спал, на часах хрен знает сколько времени, и тут стук в дверь. Я открывал, и, конечно

же, это был Оззи со словами вроде:

– Слушай, огонька не найдется?

– Ты, мать твою, меня ради этого разбудил? На часы смотрел?

Оззи и гостиницы... Мы были в турне, полдня ехали через пустыню. Добрались до магазина у черта на куличках, и все вышли из автобуса развеяться. Там была большая надпись: «Фейерверки». Оззи зашел и скупил *все*, что у них было. Я спросил:

– И что ты собираешься с этим делать?

– А, наверное, позже запущу.

Когда он сказал «позже», я и не подозревал, что он собирался сделать это *поздно, насколько* поздно, и подумать не мог, где. А именно – в отеле в четыре утра. Мы разбрелись по номерам, и я слышал звук, похожий на свист взлетающих ракет. Посмотрел в глазок и увидел, что весь коридор в дыму. Дым подступил к моей двери, и тогда я вышел. К этому времени чертовы искры разбрызгивало по коридору по всем номерам. Постояльцы выбегали в пижамах, орали и не понимали, какого хрена творится. Полный хаос.

Тем временем Оззи, абсолютно слетев с катушек, продолжал пускать фейерверки. Разумеется, приехала полиция и забрала его. Нам они сказали:

– Давайте-ка приезжайте и забирайте его.

Мы ответили:

– Пусть до завтра посидит. Нам бы хоть немного отдох-

нуть!

В отеле только недавно был ремонт, а фейерверки Оззи пожгли ковры и испортили стены. Его заставили отстегнуть немалую сумму, так что он этот урок усвоил.

А может, и не усвоил.

Он и сейчас такой же, постоянно кому-нибудь задницу показывает. Даже когда нас вводили в Зал Славы британской музыки и мы исполняли «Paranoid», Оззи оголил зад перед толпой. Ну как толпой – там было не очень много народу, но они показались ему какими-то вялыми, и он решил в очередной раз снять штаны. Мы играли перед коллегами и людьми из музыкального бизнеса, так чего он от них ожидал? Что они будут прыгать, орать и кричать? Нет, они просто будут сидеть и прилично себя вести. В первом ряду сидели ребята из группы The Kinks! Он думал, что они сейчас вскочат и будут отрываться?

Но меня это вовсе не разозлило, да и нас это совсем не напрягало. Знали бы вы, сколько раз мы видели подобное.

Голую жопу Оззи я видел больше, чем свою!

Я – убийца?!

В январе 1971 года мы прилетели в Аделаиду в качестве хедлайнеров фестиваля Murrumbidgee Open Air. Нас соблазнил промоутер, который сказал: «Почему бы вам не приехать и не остаться на недельку? Все расходы будут оплачены!»

Отличное предложение. Мы приехали, и он оказался очень гостеприимным хозяином. Сказал нам: «Ребята, все, что душа пожелает»

А душа желала! Икра и шампанское, всего было выше крыши. В нашем распоряжении было четыре лимузина, сверх того он дал нам по новенькой тачке и сказал: «Это вам на случай, если захочется самим куда-нибудь смотаться, окрестности посмотреть».

Он совершил ошибку. Мы решили отправиться на пляж и устроить гонки по кромке моря. Одна из машин застряла. Я попытался вытащить ее на буксире и тоже застрял.

«Твою же мать!»

А потом начался прилив. По мере того, как приближалась вода, мы начали паниковать. Взяли весла от лодки одного чувака и подложили под колеса. Хрясь! Оба весла сломались. Что бы мы ни делали, машины даже не сдвинулись. Мы беспомощно смотрели, как волна в конце концов накрыла обе

машины. Я позвонил промоутеру и рассказал, что произошло. Он воспринял это спокойно и выслал грузовик, чтобы отбуксировать тачки. Машины, конечно же, были убиты.

В преддверии фестиваля я дал несколько интервью на радио и в одном из них брякнул: «Ой, нам тут одиноко, мы бы пообщались с местными женщинами».

В прямом эфире сказанул! И что произошло? В отеле вертелись толпы девушек. Закончилось все тем, что я с Патриком Миэном оказался в номере с одной девушкой, а затем... она вырубилась.

Миэн сказал: «Она мертва!»

Твою же мать! Я подумал: «Боже, она мертва. *Мертва!*»

Я представил себе заголовки: «Девушка найдена мертвой в номере с двумя парнями». Ведь обязательно на нас подумают!

Миэн начал: «Надо от нее избавиться! Надо от нее избавиться!»

Ему пришла в голову идея сбросить ее с балкона и сказать, что она упала. Мы были под кайфом. Сейчас, если подумать, сама мысль была дикой, но в приступе паники я согласился. Мы вытащили ее на балкон, попытались поднять, и тут... она пришла в себя.

«Черт возьми, да она жива!»

Она, скорее всего, отключилась от наркоты, но мы могли реально ее сбросить, и стал бы я тогда двадцатидвухлетним убийцей.

«Но, ваша честь, она уже была мертва!»

Подозреваю, она даже не врубилась, что произошло. И меня, наверное, арестуют. Прочитает она эту книгу, возникнет невесть откуда и скажет: «Да, это он!»

«Это был Миэн! Это был Миэн!»

Так стыдно, честно говоря. Это был крупный фестиваль, все шло замечательно, а промоутер заботился о нас, как отец родной. Позже мы слышали, что он разорился.

Интересно, почему...

Летающая рыба

В декабре 1971-го стартовало наше второе американское турне. Оно было классным, и спасибо за это нашим друзьям из Mountain. Они были крутой группой, хорошо к нам отнеслись, и у них было полно дури. Мне реально понравился их гитарист, Лесли Уэст. И до сих пор нравится. Я как-то сказал ему: «Мне очень нравится звук, который у тебя получается, и гитара твоя».

Он поискал и нашел мне такой же Gibson, как у него. Приехал в Англию и подарил. Но гитару сперли. Когда перерыв между гастролями, гитары отправляются куда-нибудь на хранение. Однажды у меня свистнули со склада сразу четыре гитары, и эта была в их числе. Это был подарок Лесли, и у меня сердце разрывалось.

Именно в этом туре мы сначала остановились в лос-анжелесской гостинице «Хаятт», больше известной как «Дебош», где впервые встретили своих группы²⁰. Мы толком об этом ничего не знали. В Европе женщины были не так пря-

²⁰ Поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. Термин имеет и более широкий (как правило, иронический) смысл, однако начиная с середины 60-х годов употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

молинейны, как в Америке. Как только мы добрались до стойки регистрации гостиницы, к нам подошли девушки со словами:

– Привет, ребята! Вы из Англии?

Прежде чем мы опомнились, у каждого было по девушке. Мы поверить не могли. «Черт меня побери! Так вот она какая, Америка?»

А позже мы их видели с кем-то еще. И нам стало понятно, кого называют «группи».

В Сиэтле мы останавливались в знаменитейшем «водном» отеле, где прямо из окна можно ловить рыбу. Гостиница была построена на сваях и склонялась к воде. Леску можно было получить на стойке регистрации, так что можно было рыбачить прямо из окна своего номера. Чем мы, собственно, и занимались. Не знаю зачем. Оззи выловил из окна акулу, и, пока мы выступали, она плавала в ванне. Конечно же, она умерла, так как была размером с ванну, а акулам, чтобы дышать, надо двигаться. Оззи принялся ее разделывать. Всюду были кровь и потроха. Он пытался... Даже не знаю, что он пытался сделать.

Номер Билла был через стенку от моего, и его окно было открыто. Я выудил акулу, раскачал на леске и забросил в комнату Билла. Он был сильно удивлен. Не приятно, но удивлен! Увидеть, как в твой номер влетает чертова акула: «А-а-а-а-а!»

Он выбросил ее из окна обратно в море, но номер уже

успел провонять. На самом деле все номера воняли рыбой. Да и полы не вымоешь, потому что везде лежали ковры. Не знаю, чего они ожидали от гостей, поймавших рыбу.

В другой раз мы привязали леску к одному из светильников. Ушли, а когда вернулись, светильник пропал. Вылетел в окно! Так что пришлось за него счет оплачивать.

Во время последнего тура Sabbath, когда были в Сиэтле, мы с Биллом наведались в этот отель, просто чтобы вспомнить старые времена. Нам показали, как у них сейчас дела: там был номер Zeppelin, кроме того, они также делали и номер Sabbath.

Раньше только определенные гостиницы пускали к себе группы, а все из-за дурной репутации. А сейчас мы постоянно останавливаемся в «Ритц-Карлтонах» и «Четырех сезонах», элитных отелях. И в шестьдесят с лишним лет мы больше не выбрасываем из окон номеров телевизоры.

Мы их и поднять-то уже не в состоянии.

Хозяин положения

В Англии *Paranoid* добрался в хит-параде альбомов до первого места, в Америке он даже еще не был выпущен, а на нас уже оказывали давление и ждали следующего альбома, *Master of Reality*. Ведь если у вас однажды уже вышел альбом «номер 1», куда дальше? Если снова не будет «номера 1», значит, дела не очень, поэтому нужно написать песни, благодаря которым следующая пластинка будет как минимум такой же популярной.

Менеджеры постоянно отправляли нас на гастроли по странному графику. Иногда мы выступали дважды в день, причем в разных городах. Передышек практически не было. Поскольку с предыдущих студийных сессий песен не осталось, мы пришли на репточку и принялись сочинять. Я придумывал риффы, и, как только мы начали, песни пошли легко. Иногда было довольно сложно собрать достаточно материала на альбом, поскольку требуется время, чтобы обдумать песни и прочувствовать их. А времени не было. Особенно после *Paranoid*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.